

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ДЖАСТИН КРОНИН

СМОТРИТЕ СЕРИАЛ

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

«ТРИЛОГИЯ «ПЕРЕРОЖДЕНИЕ» ДЖАСТИНА КРОНИНА
ОТЛИЧАЕТСЯ НЕОСЛАБЕВАЮЩИМ СЮЖЕТНЫМ ДРАЙВОМ
И КРИСТАЛЬНОЙ ЯСНОСТЬЮ ЯЗЫКА».

СТИВЕН КИНГ

ГОРОД ЗЕРКАЛ

ТОМ 2

Хоррор. Черная библиотека

Джастин Кронин
Город зеркал. Том 2

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кронин Д.

Город зеркал. Том 2 / Д. Кронин — «Эксмо», 2016 — (Хоррор.
Черная библиотека)

ISBN 978-5-04-101154-3

Вы прошли ПЕРЕРОЖДЕНИЕ. Вы встретили ДВЕНАДЦАТЬ. Войдите же в ГОРОД ЗЕРКАЛ ради окончательной расплаты. Город, в котором выживших ждет второе пришествие невыразимого зла. Двенадцать были уничтожены 20 лет назад, и ужасающий век тьмы, обрушившейся на мир, закончился. Оставшиеся в живых постепенно выходят из убежищ. Они мечтают об обнадеживающем будущем и полны решимости построить общество заново. Но далеко, в мертвом мегаполисе, ждет он: Зиро. Первый. Отец Двенадцати. Мучения, которые разрушили его человеческую жизнь, преследуют его, и ненависть, порожденная его перерождением, горит ярко. Его ярость утихнет только тогда, когда он уничтожит Эми – единственную надежду человечества, Девочку из ниоткуда, которая выросла, чтобы восстать против него. В последний раз столкнутся свет и тьма, и наконец Эми и ее друзья узнают свою судьбу. Второй том финальной книги трилогии «Перерождение».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-101154-3

© Кронин Д., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

VIII	6
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джастин Кронин

Город зеркал. Том 1

Justin Cronin

The City Of Mirrors

Copyright © 2016 by Justin Cronin

© М. Новыш, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

VIII Осада

*Как листья на деревьях, как пески при морях, неисчетны Воинства
мчатся долиною, ратовать около града.*

*Гомер
«Илиада»*

56

Зараженные ломились в люк всю ночь.

Это происходило вспышками. Минут пять-десять, кулаки и тела, ударяющие в люк. Промежутки тишины, и опять.

Постепенно интервалы становились дольше. Девочки устали плакать и уснули, уткнувшись в колени Пим. Прошло еще долгое время. Снаружи ни звука. Зараженные не вернулись.

Кaleb ждал. Когда рассветет? Когда можно будет открыть люк? Пим тоже уснула; ужасы прошедшей ночи измотали их всех. Кaleb привалился головой к стене и закрыл глаза.

Он проснулся от приглушенных голосов снаружи; пришла помощь. Кто бы там ни был, они стучали в люк.

Проснулась Пим. Девочки еще спали. Пим сделала простейший вопросительный жест.

Это люди, ответил он.

Но тем не менее ощутил некоторую тревогу, открывая люк. Слегка толкнул. В глаза ударил дневной свет. Он открыл люк до конца, моргая.

Стоявшая перед люком Сара рухнула на колени.

– О, слава Богу.

С ней был Холлис. Оба босые и мокрые до нитки.

– Мы отправились навестить вас, когда они напали, – объяснил Холлис. – Спрятались в реке.

Пим подняла наверх детей и выбралась сама. Сара обняла ее, плача.

– Слава Богу, слава Богу.

Она присела и обняла девочек.

– Вы целы. Мои малышки целы.

Чувство облегчения мигом покинуло Калеба. Он понял, что сейчас произойдет.

– Кейт! – заорала Сара. – Выходи уже!

Никто ничего не сказал.

– Кейт?

Холлис посмотрел на Калеба. Младший покачал головой. Холлис одеревенел и зашатался, кровь отлила от его лица. Мгновение Калебу казалось, что его тесть упадет в обморок.

– Сара, иди сюда, – сказал Холлис.

– Кейт? Кейт, выходи!

Голос Сары срывался.

Холлис схватил ее за пояс.

– Кейт! Ответь мне!

– Ее нет в убежище, Сара.

Сара билась в его руках, пытаясь освободиться.

– Холлис, отпусти меня. Кейт!

– Ее нет, Сара. Нашей Кейт нет.
– Не смей! Кейт, я твоя мать, выходи сейчас же!
Силы оставили ее, и у нее подогнулись колени. Холлис все так же держал ее.
– О Боже, – простонала она.
Холлис в отчаянии закрыл глаза.
– Ее нет. Ее нет.
– Умоляю, нет. Только не она.
– Нашей девочки больше нет.
Сара запрокинула лицо к небесам. И завывала.

Дневной свет был слабым и невзрачным, низкие тучи закрыли солнце. Питер поднял Эми, положил ее в грузовое отделение машины и укрыл одеялом. На ее лицо начал возвращаться румянец; ее глаза были закрыты, хотя она не спала, а, похоже, находилась на грани, будто ее сознание плыло по течению мимо берегов мироздания.

– Нам лучше ехать, – жестко сказал Грир.

Питер сел назад, рядом с Эми. Ехали они медленно, по грунтовой дороге, заросшей с обеих сторон кустами. Ночью Питер не мог разглядеть окружающую обстановку, а теперь смотрел на болота, лагуны, развалины, обвитые лианами, зыбкую, будто расплавленную землю. Иногда путь им преграждала вода, неизвестно какой глубины. Грир медленно вел машину вперед.

Растительность начала редеть, впереди появились циклопические дорожные развязки. Грир провел машину между кучами хлама под эстакадой, нашел взглядом въезд и вырулил к нему.

Некоторое время они ехали по шоссе, а затем Грир свернул. Несмотря на то что «Хамви» нещадно трясло, Эми еще не проснулась. Объехав второй район рухнувших эстакад, они поехали вверх по склону и снова выехали на шоссе.

Майкл повернулся и поглядел на Питера.

– Дальше полегче будет.

Начался дождь, стуча каплями по лобовому стеклу, а затем облака расступились, и выглянуло жаркое техасское солнце. Эми начала просыпаться. Питер поглядел на нее и увидел, что она открыла глаза. Моргнула, потом резко прищурилась и прикрыла глаза руками.

– Ярko, – сказала она.

– Что такое? – спросил Грир.

– Говорит, ярко.

– Она в темноте двадцать лет была, так что ей придется некоторое время привыкать к свету.

Грир наклонился и что-то достал из-под сиденья.

– Дай ей это.

И поднял руку над своим плечом, передавая Питеру темные очки. Поцарапанные стекла, дужки из луженой проволоки. Питер надел очки на Эми и аккуратно заправил заушины за ее уши.

– Лучше?

Она кивнула. Ее глаза снова закрылись.

– Я так устала, – тихо сказала она.

Питер наклонился вперед.

– Сколько еще?

– Нам надо успеть до заката, но уже близко. А еще нам понадобится топливо. Должен быть небольшой запас в убежище, западнее Сили.

Дальше они ехали молча. Несмотря на нервное напряжение, Питер почувствовал, что засыпает. И проспал два часа, проснувшись оттого, что машина остановилась. Грир и Майкл тащили из убежища две большие пластиковые бутылки с топливом. Мысли у Питера путались, руки и ноги отяжелели и обмякли, будто налитые водой. Он чувствовал свой возраст всем телом.

Увидев, что он выходит, Майкл глянул в его сторону.

– Как она?

– Спит еще.

Грир уже наливал топливо в бак через воронку.

– С ней будет все в порядке. Сон – это то, что ей сейчас нужно.

– Давай я на время за руль сяду, – предложил Питер. – Отсюда я уже дорогу знаю.

Грир наклонился, закрыл бак крышкой и вытер руки о рубашку.

– Лучше бы сейчас Майкл сел. Впереди еще пара сложных мест.

Они нашли Кейт у края леса. Револьвер был у нее в руке, палец на спусковом крючке. Один выстрел, точно в уязвимое место. Кейт хотела быть уверена в результате, педантичная до самого конца.

У них не было времени хоронить ее. Решили отнести ее в дом и положить на кровать, ту, которую делили Калеб и Пим, поскольку вряд ли они когда-нибудь сюда вернуться. Внутри ее внесли Холлис и Калеб. Казалось неправильным оставить ее так, в залитой кровью одежде. Пим и Сара раздели и обмыли ее, надели на нее ночную рубашку Пим из мягкой голубой хлопчатобумажной ткани. Положили ей под голову подушку и накрыли одеялом, плотно подоткнув его по бокам. Пим, беззвучно плача, поправила сестре волосы. Последний вопрос. Следует ли показать ее девочкам? Да, сказала Сара. Кейт их мать. Они должны попрощаться с ней.

Калеб вышел. Стояло утро, безжалостно ясное. Природа будто издевалась над ним, не обращая внимания на его горе. Пели птицы, дул ветер, по небу шли редкие облака, солнце медленно и неуклонно описывало свою дугу. Красавчик лежал в поле мертвый, и на его теле уже пировали стервятники, маша огромными крыльями. Все рухнуло, но, похоже, миру не было до этого дела. Там, в спальне, Калеб сказал Кейт, что любит ее, наклонился и поцеловал в лоб. Ее кожа была ужасающе холодна, но это было не самое страшное. Он вдруг понял, что ждет от нее ответа. *Ничего, не очень больно. Или, все нормально, Калеб, я тебя не виню. Ты сделал все, что смог.* Быть может, она и сказала бы что-то язвительное. *Правда? Ты меня в постель уложишь? Я же не ребенок. Уверена, тебе очень смешно, Калеб.* Но этого не могло случиться. Ее тело все еще существовало, но все, что характеризовало ее как человека, отсутствовало. Исчез ее голос; он никогда больше его не услышит.

Вышла Пим с девочками. Элли тихо плакала; Клоп выглядела просто удивленной. Пропшла еще пара минут, и появились Сара и Холлис.

– Если вы готовы, нам надо идти, – сказал Калеб.

Холлис кивнул. Сара, стоя чуть в стороне, смотрела на деревья. Ее глаза остекленели, а лицо было странно неподвижным, будто нечто жизненно важное оставило ее. Она прокашлялась и заговорила:

– Муж мой, ты сделаешь кое-что для меня?

– Хорошо.

Она посмотрела ему в глаза.

– Убей их всех на хрен, всех до единого.

Они шли медленно. Вскоре пришлось взять на руки всех троих детей. Клоп села на плечи Калебу, Элли – своему деду. Тео был в слинге, Сара и Пим несли его по очереди. Они добрались до города уже ближе к вечеру. На улице не было никаких признаков жизни. Дойдя до дома

Элаквы, они нашли пикап на том же месте, где видел его Калеб. Калеб сел за руль. Он надеялся, что ключ в замке, но его там не было. Обыскал всю кабину, но тщетно. Вылез наружу.

– Умеешь заводить машину без ключа? – спросил он Холлиса.

– Не очень-то.

Калеб поглядел на дом. Окно на верхнем этаже разбито, выбито из рамы. На земле под ним валялись осколки и щепки от рамы.

– Кому-то придется зайти внутрь.

– Я это сделаю, – сказал Холлис.

– Это моя обязанность. Оставайся тут.

Калеб отдал Холлису винтовку и взял револьвер. Воздух в доме был совершенно неподвижен, будто непригодный для дыхания. Калеб перебирался из комнаты в комнату, открывая ящики и шкафчики. Не найдя ключей, поднялся вверх по лестнице. Узкий коридор, две комнаты по обе стороны, двери закрыты. Он открыл первую дверь. Здесь спали Элаква и его жена. Незаправленная постель; кружевные занавески, качающиеся на ветру у разбитого окна. Обыскав все ящики, он подошел к окну и помахал рукой. Холлис поглядел на него вопросительным взглядом. Калеб покачал головой.

Еще одна комната. Что, если они не найдут ключи? Других машин он в городе не видел. Это не значит, что их нет, но времени у них мало.

Калеб сделал глубокий вдох и пнул дверь сапогом.

Элаква лежал на кровати полностью одетый. В комнате воняло мочой и перегаром. Поначалу Калеб подумал, что мужчина мертв, но тут тот всхрапнул и повернулся на бок. На полу у кровати стояла пустая бутылка от виски. Он не мертв, а мертвецки пьян.

Калеб резко потрянул его за плечи.

– Просыпайся.

Элаква шлепнул по рукам Калеба, не открывая глаз.

– Оставь меня в покое, – промычал он.

– Доктор Элаква, я Калеб Джексон. Возьмите себя в руки.

– Ты... сука, – еле ворочая языком, ответил Элаква.

Калеб начал понимать, что произошло. Изгнанный с супружеского ложа мужик напился до полной анестезии и все пропустил. Возможно, уже был пьян, когда жена его прогнала. В любом случае Калеб ему практически завидовал. Беда миновала его. Как же Зараженные его пропустили? Может, от него так скверно пахло, может, в этом дело. Может, им всем лучше напиться и не просыхать.

Он снова потрянул Элакву. Тот с трудом открыл глаза. Невидяще поглядел по сторонам, и его взгляд остановился на лице Калеба.

– Кто ты, черт тебя дери?

Объяснять ситуацию не было смысла, он совершенно не в себе.

– Доктор Элаква, посмотрите на меня. Мне нужны ключи от вашей машины.

Казалось, Калеб задал ему самый бессмысленный вопрос в мире:

– Ключи?

– Да, ключи. Где они?

Его глаза расфокусировались, и он снова закрыл их. Его голова, покрытая гривой нечесаных волос, упала на подушку. Калеб понял, что есть всего одно место, где он не искал. Брюки мужчины промокли от мочи, но ничего не поделаешь. Калеб ощупал его и нащупал что-то угловатое в левом переднем кармане, сунул руку внутрь и вытащил потемневший от времени ключ на маленьком металлическом кольце.

– Есть.

Его мысли прервал рокот моторов на улице. Калеб подошел к окну. Сара и остальные лихорадочно размахивали руками, глядя на источник звука.

– Эй! Сюда! – орали они.

Калеб вышел на крыльцо, и в этот момент перед домом остановились три пятитонных армейских грузовика. Из кабины первой машины вышел дюжий мужчина в форме. Гуннар Апгар.

– Калеб. Слава Богу.

Они пожали друг другу руки. Следом подошли Сара и Холлис. Апгар оглядел их.

– Это все?

– Там еще один, в доме, но нам потребуется помощь, чтобы его вытащить. Он вдрызг пьян.

– Ты шутишь.

Калеб ничего не ответил, и Апгар повернулся к двоим солдатам, которые вышли из второй машины.

– Тащите его оттуда, живо.

Солдаты побежали вверх по ступеням.

– Мы движемся на запад, подбираем людей, – сказал Апгар.

– Сколько выживших нашли?

– Вы первые. Мы не нашли даже *тел*. Либо Зараженные утаскивают их, либо они все превратились.

– Что в Кервилле? – спросил Холлис.

– Там их пока не видно. Что бы ни происходило, началось оно здесь.

Он помолчал, на его лице появилось сомнение.

– Есть еще кое-что, Калеб, тебе следует знать это. Насчет твоего отца.

Питер сел за руль, когда они были к востоку от Сегуина. Днем Эми ненадолго проснулась и попросила воды. Ее уже не знобило, и глаза уже не так реагировали на свет, но она все еще жаловалась на головную боль и сильную слабость. Прищурившись, поглядела в боковое окно и спросила, сколько еще им ехать. Одеядо она накинула на голову и плечи, как шаль.

– Три часа, – сказал Грир, – может, четыре.

Эми осмыслила его ответ.

– Нам надо спешить, – очень тихо сказала она.

Они пересекли Гваделупе и свернули на север. Первое поселение, до которого они доехали, было на восточной окраине прежнего города Берни. Не слишком большое, но здесь есть телеграф. Светлого времени оставалось на две ладони. Они остановились на небольшой центральной площади.

– Ужасно тихо тут, – сказал Майкл.

Улицы были пусты. Странно, в такой час, подумал Питер. Они вылезли из машины в гробовой тишине. В городке было всего несколько зданий – магазин, управа, часовня и несколько небрежно сколоченных домов, некоторые даже недостроенные, будто их строители внезапно передумали.

– Есть кто? – крикнул Майкл. – Эй?

– Странное ощущение, – сказал Грир.

Майкл протянул руку внутрь «Хамви» и вынул из держателя ружье. Питер и Грир проверили пистолеты.

– Я останусь с Эми, – сказал Грир. – А вы ищите телеграф.

Питер и Майкл пересекли площадь и подошли к управе. Дверь открыта, еще одна странность. Внутри все выглядело нормально, но тоже не было никаких признаков жизни.

– Куда же все делось, черт побери? – сказал Питер.

Телеграфный аппарат стоял в небольшой комнате в задней части здания. Майкл сел в кресло оператора и проверил записи в большом журнале в кожаном переплете.

– Последнее сообщение было отправлено отсюда в пятницу, 17.20, в Бандеру. Адресат – миссис Ниллс Грат.

– Что за сообщение?

– «С днем рождения, тетя Лотти».

Майкл поднял взгляд.

– Больше, по крайней мере, ничего не записано.

Уже было воскресенье. Что бы ни случилось здесь, подумал Питер, это произошло в течение последних сорока восьми часов.

– Отправь сообщение в Кервилл, – сказал он. – Пусть Аппар знает, что мы едем.

– Азбуку Морзе подзабыл. Вполне вероятно, что напишу им, чтобы сэндвич сделали.

Майкл щелкнул переключателем и взялся за ключ. Но остановился спустя пару секунд.

– Что такое?

Майкл показал на панель.

– Видишь этот прибор? Когда ключ работает, стрелка должна двигаться.

– И?

– И я тут сам с собой общаюсь. Контур не замыкается.

Питер ничего не смыслил в этом.

– Ты можешь это починить?

– Никак. Разрыв на линии, он может быть в любом месте, отсюда и до Кервилла. Может, ураганом столб свалило. Может, молния ударила. Для этого много не надо.

Они вышли через заднюю дверь. Среди сорной травы подобно чудовищу лежал старый бензиновый генератор рядом с ржавым пикапом и телегой со сломанной осью, сквозь доски которой уже проросла трава. Всевозможный хлам – строительный, упаковочные ящики, рассевшиеся бочки. Обломки фронта, которые выбрасывали за дверь, как только они переставали быть полезными.

– Давай проверим остальные дома, – сказал Питер.

Они вошли в ближайший. Одноэтажный, с двумя комнатами. Грязные тарелки на столе, мухи, вьющиеся над ними. В дальней комнате рукомойник на стойке, гардероб и большая кровать с пуховой периной, накрытая пледом. Крепкая кровать, на совесть сделана, с резьбой в виде переплетающихся цветов на изголовье. Кто-то над ней хорошо потрудился. Семейное ложе, подумал Питер.

Но где же люди? Что случилось, почему обитатели исчезли, даже не вымыв грязную посуду, не убрав со стола? Питер и Майкл вернулись в главную комнату, и в этот момент в дверь вошел Грир.

– Как улов?

– Телеграф не работает, – ответил Майкл.

– Что с ним?

– Разрыв где-то на линии.

Грир перевел взгляд на Питера.

– Нам действительно надо торопиться.

Что они не увидели? Что пытается сказать им это проклятое место? И Питер увидел что-то на полу.

– Питер, ты меня слышишь? – настойчиво сказал Грир. – Если мы хотим успеть до темноты, нам надо ехать прямо сейчас.

Питер присел, чтобы присмотреться получше, и махнул рукой в сторону стола.

– Дай-ка мне посудное полотенце.

Он взял предмет через уголок полотенца. Зубы Зараженных определенным образом преломляли свет подобно призме и отливали перламутром. Кончик настолько острый, что он, казалось, переходит в невидимость, неразличимый невооруженным глазом.

- Я не думаю, что Зиро отправил армию, – сказал Питер.
- Тогда что же он делает? – спросил Майкл.
- Питер поглядел на Грира. Судя по выражению лица старшего, тот думал то же самое.
- Я думаю, что он создает новую.

57

Когда конвой доехал до Кервилла, было уже почти семь вечера. Все выгрузились из машин быстро, город был на осадном положении. Наверху на стене туда-сюда бегали солдаты с магазинами для винтовок и другим снаряжением. По обе стороны от ворот на стенах стояли пулеметы пятидесятого калибра. Апгар вышел из кабины и стоял рядом с Чейзом, показывая на один из прожекторов. Когда Чейз ушел, Калев подошел к нему.

– Генерал, хочу обратно на службу.

Апгар нахмурился.

– Должен сказать, это впервые. Еще никто на моей памяти не просился обратно в Армию.

– Можете меня хоть в рядовые разжаловать, мне все равно.

Генерал посмотрел поверх плеча Калеба, на Пим с Сарой и детьми.

– Ты обговорил это с непосредственным начальством?

– Солгу, если скажу, что она рада была. Но она понимает. Этой ночью она потеряла сестру.

Апгар подозвал младшего командира, дежурившего у ворот.

– Сержант, отведи этого человека в оружейную и снаряди его. Одна лычка.

– Благодарю, генерал, – сказал Калев.

– Может, потом еще пожалеешь. А уж твой старик точно мне задницу надерет.

– Пока ничего не слышно?

Апгар покачал головой.

– Постарайся не тревожиться, сынок. Он и не через такое прошел. Доложишься полковнику Хеннеману на стене. Он скажет, куда идти.

Калев подошел к Пим и обнял ее. Положил ладонь на выпуклость ее живота и поцеловал в лоб Тео.

Будь осторожен.

– Мы идем в больницу, – сказала Сара. – Там в подвале убежище. Переведем пациентов туда.

Сержант переминался с ноги на ногу.

– Сэр, нам надо идти.

Калев в последний раз посмотрел на родных. Между ними будто разверзлась пропасть, будто он смотрел на них через тоннель, становящийся все длиннее.

Я люблю тебя, сказала Пим.

И я тебя люблю.

Он побежал прочь.

После Берни за руль сел Грир. Они ехали следом за уходящим солнцем. Майкл сидел на пассажирском месте, Питер сзади с Эми.

Они не видели ни машин, ни иных признаков жизни. Казалось, мир умер и перед ними инопланетный ландшафт. Тени от холмов становились все длиннее, наступал вечер. Грир, щурясь против солнца, пристально смотрел вперед, а его руки и спина затвердели, будто сделанные из дерева. Пальцы крепко вцепились в руль. Питер увидел, как вздулись мышцы по бокам его челюстей. Грир вел машину, стиснув зубы.

Они проехали через Комфорт. Развалины старых зданий, ресторанов, заправочных станций, отелей выстроились вдоль шоссе, истертые песком и ободранные до голых стен. Они доехали до поселения на западной окраине города, в стороне от обломков прежнего мира. Как и в Берни, в городке никого не было, и они не стали останавливаться.

Осталось пятнадцать миль.

Сара и остальные встретились с Дженни у дверей больницы. Та была на грани паники.

– Что происходит? Везде солдаты, «Хамви» только что проехал, сигналил, сказали всем укрыться в убежищах.

– Будет атака. Нам надо всех в подвал перевести. Сколько у нас в палатах пациентов?

– Что значит, атака?

– Значит, *Зараженные*, Дженни.

Женщина побледнела, но ничего не сказала.

– Слушай меня.

Сара взяла Дженни за руки и заставила посмотреть в глаза.

– У нас мало времени. Сколько?

Дженни тряхнула головой, пытаясь собраться с мыслями.

– Пятнадцать.

– Дети?

– Всего пара. Один мальчик с пневмонией, другой со сломанным запястьем, только что вправили. Одна женщина рожать собирается, но все еще только начинается.

– Где Ханна?

Ханной звали дочь Дженни, девочку тринадцати лет; ее сын вырос и уехал. Дженни и ее муж уже давно разошлись.

– Наверное, дома.

– Беги за ней. Пока не вернешься, я тут всем займусь.

– Боже, Сара.

– Давай быстрее.

Дженни пулей выбежала из здания. Пим, прижимая к груди Тео, стояла рядом, с девочками. Сара присела перед ними.

– Идите с тетей Пим, хорошо?

Элли выглядела испуганной и потерянной, у нее из носа текли сопли. Сара вытерла ей нос низом своей рубашки.

– И куда мы пойдем? – мрачно спросила девочка.

Мимо спешно шли люди – медсестры, врачи, санитары с носилками. Сара глянула на Пим, а потом снова посмотрела на внучку.

– Вниз, в подвал, – ответила она. – Там вы будете в безопасности.

– Я хочу домой.

– Это ненадолго.

Она обняла Элли, а потом ее сестру, и Пим повела девочек к лестнице. Когда они спустились, Сара повернулась к мужу. У него было знакомое выражение лица. Такое же, как после той ночи, когда убили Билла и он показал ей записку.

– Все нормально, – сказала она.

– Ты уверена?

– У меня здесь дела есть. Иди, пока я не передумала.

Других слов не требовалось. Холлис поцеловал ее и решительно вышел за дверь.

Они съехали с Шоссе 10. Дальше прямо до города, на юг по гравийной дороге. Машину нещадно трясло на рытвинах. В открытые окна дул ветер. Солнце, справа от них, ярко светило над самым горизонтом.

– Майкл, садись за руль и веди поровнее, – сказал Грир и сунул руку под сиденье. – Питер, дай ей это.

Питер наклонился вперед и взял пистолет. Патрон в патроннике уже есть.

– Времени целиться не будет, – сказал он Эми. – Просто наводи и стреляй, будто пальцем тычешь.

Она с неуверенным лицом взяла у него пистолет, но взяла крепко.

– У тебя пятнадцать патронов. И надо быть близко – не пытайся стрелять в них издали.

– Достань ружье, – сказал Грир.

Майкл вытащил оружие из держателя. Под стволом шел трубчатый магазин на восемь патронов.

– Там какие? – спросил он Грира.

– Жакан, цельные. Попасть сложнее, но сшибешь сразу.

Впереди показался город. На вершине холма, маленький, будто игрушечный.

– Будет тяжело, – сказал Грир.

Последних пациентов уже перенесли с первого этажа. Дженни стояла у двери убежища с планшетом и проверяла по списку, а Сара и медсестры ходили между коек, делая все, чтобы пациенты были в порядке.

Сара подошла к койке, на которой лежала беременная, та, про которую сказала Дженни. Молодая, с густыми черными волосами. Проверяя ей пульс, Сара мельком глянула в карту. Сестра приняла ее час назад. Шейка матки только начала открываться. Девушку звали Грейс Альвадо.

– Грейс, я доктор Уилсон. Это у тебя первый?

– Я была беременна до этого, но не выносила.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать один.

Сара замерла. Тот самый возраст. Та самая Грейс. Сара ее видела, когда она только родилась на свет.

– Твои родители Карлос и Салли Хименес?

– Вы знали моих?

Сара едва не улыбнулась. Улыбнулась бы, но не в этот день.

– Тебя это может удивить, Грейс, но я была здесь, когда ты родилась.

Она посмотрела на приятеля девушки, который сидел на тарном ящике с другой стороны от койки. Изрядно старше ее, лет сорок, сурового вида, но, как и все мужчины, впервые готовые стать отцами, он был несколько ошеломлен внезапной быстротой событий после месяцев ожидания.

– Вы мистер Альвадо?

– Зовите меня Джок, все так зовут.

– Мне нужно, чтобы вы помогли ей расслабиться, Джок. Глубоко дышать, и пока что никаких потуг. Сможете это сделать?

– Постараюсь.

Сара положила ладонь на предплечье Грейс.

– Просто сосредоточься на том, что у тебя родится ребенок, о'кей?

Дверь подвала была сделана из толстой стали, стены – из толстого бетона. Сара уже была готова закрыть ее, как помещение вдруг погрузилось в темноту. Нервный шепот, а потом люди начали кричать.

- Прошу всех успокоиться! – сказала Сара.
- Что случилось со светом? – крикнул кто-то в темноте.
- Армия переключила ток на прожекторы, вот и все.
- Значит, Зараженные нападают!
- Этого мы не знаем. Постарайтесь сохранять спокойствие.
- Рядом стояла Дженни.
- Они правда это сделали? – спросила она.
- Откуда я знаю? Иди на склад, принеси свечи и лампы.

Дженни вернулась спустя пару минут. Зажгли лампы, расставили их у коек. Крики стихли, люди перешептывались. А потом в полумраке повисло напряженное молчание.

- Дженни, помоги-ка.

Дверь весила килограмм двести. Сара и Дженни закрыли ее и повернули штурвал, закрывая замок.

Четверть солдат Апгара заняли позиции на отрезке в пятьсот метров по обе стороны от ворот, остальные стояли на стенах дальше, через равные промежутки. С ними держали связь по радио. Кaleb командовал отделением из двенадцати человек. Шестеро из Люкенбаха, из тех немногих, кто успел добраться до убежища, когда напали на гарнизон. Ни один офицер не выжил, они остались без командиров. Теперь их командиром стал Кaleb.

К нему подошел солдат, топая по помосту. На Холлисе не было формы, только стандартная армейская разгрузка с полудюжиной запасных магазинов и длинным ножом в ножнах. На ремне поперек его широкой груди болталась М-4, стволом вниз, в кобуре на бедре был пистолет.

Холлис четко отдал честь.

- Рядовой Уилсон, сэр.

Просто абсурд, что Холлис так к нему обращается. Будто спектакль какой-то.

- Ты шутишь.

- Женщины и дети в безопасности. Мне сказали вам доложить.

На его лице было выражение, какого Кaleb не видел у него никогда. Этот большой добродушный мужчина, книголюб, читающий детям, мгновенно превратился в воина.

- Я дал обещание, лейтенант, – напомнил ему Холлис. – Мне кажется, вы там были тогда.

Зажглись прожекторы, заливая резким белым светом защитный периметр у основания стены. Затрещали рации; по помосту будто пробежала дрожь копящейся энергии.

- Смотреть в оба!

Щелканье затворов. Кaleb выставил винтовку над стеной и снял ее с предохранителя. Поглядел вправо, где стоял наготове Холлис. Ноги широко расставлены, плечи развернуты, глаза пристально глядят в прицел, идеально. Тело одновременно напряжено и расслаблено, сосредоточено и готово действовать. Будто старое умение, въевшееся в него до кости и без труда проявившееся, когда в этом возникла надобность.

Откуда станут нападать Зараженные? Сколько их будет? Кaleb дышал неровно, а поле зрения неестественно сузилось. Он заставил себя сделать медленный глубокий вдох. Не думать, сказал он себе. Есть время думать, но сейчас не время.

Вдалеке, прямо на севере, появилась светящаяся точка. Адреналин хлынул в кровь, и Кaleb крепче прижал приклад к плечу. Светящаяся точка подпрыгивала вверх-вниз, а потом поделилась надвое, будто клетка. Не Зараженные. Фары машины.

- Контакт! – крикнул кто-то слева. – Тридцать градусов вправо! Двести ярдов!
- Контакт! Двадцать влево!

Впервые более чем за два десятилетия завывала сирена.

Грир вдавил педаль газа в пол. Стрелка спидометра прыгала, поля пролетали мимо них, сливаясь, мотор ревел, кузов машины дрожал.

– Они прямо позади! – заорал Майкл.

Питер развернулся на кресле. В полях появились светящиеся точки.

– Осмотреться! – крикнул Грир.

Питер повернулся вперед, и вовремя. Увидел, как в свет фар выскочили трое Зараженных. Грир прицелился и крутанул руль, врезаясь прямо в стаю. Их тела громыхнули по крыше. Питера дернуло вперед, потом назад. Снова поглядев вперед, он увидел Зараженного, вцепившегося в капот машины.

Майкл выставил ружье поверх приборной доски и выстрелил.

Стекло разлетелось вдребезги. Грир крутанул руль влево, и Питера бросило на дверь. Эми упала на него. Они мчались по полю, засаженному бобами, уходя от ворот вбок. Грир крутанул руль обратно; машина угрожающе накренилась влево, грозя опрокинуться, но затем колеса с грохотом упали обратно на землю. Они въехали на пригорок, «Хамви» на мгновение взлетел в воздух и приземлился на дорогу. Раздался зловещий лязг откуда-то снизу, и они начали сбрасывать скорость.

– Что такое? – крикнул Питер Гриру.

От радиатора шел дым, двигатель ревел, но без толку.

– Мы обо что-то ударились, трансмиссия полетела. Справа!

Питер повернулся, взял Зараженного на прицел и выстрелил. Промаяхнулся. Он стрелял снова и снова, понятия не имея, попадает ли он хоть в кого-то. Затвор отъехал назад, обойма была пуста. До освещенного периметра было еще метров сто.

– Я пустой! – заорал Майкл.

Машина медленно остановилась. С помоста на стене взлетели осветительные ракеты и повисли над их головами. Питер повернулся к Эми. Та прижалась к двери, съежившись, в ее руке был пистолет, из которого она не выстрелила ни разу.

– Грир, помоги, – сказал Питер.

Он вытащил ее наружу. Эми двигалась тяжело и неловко, будто сомнамбула. Ракеты медленно спускались. В тот момент, когда ноги Эми коснулись земли, Грир уже обошел машину спереди, на ходу заряжая ружье. Сунул его в руку Питеру и подставил правое плечо под руку Эми, чтобы поднять ее.

– Прикрывай нас, – сказал он.

Кaleb беспомощно смотрел, как подъезжает машина. Зараженные все еще за пределами дальности стрельбы, даже если очень повезет. На стене кричали, приказывая не стрелять, дожидаться, когда они подойдут ближе.

Он увидел, как машина остановилась. Из нее появились четверо. Замыкающий развернулся и выстрелил из ружья в приближающуюся к ним стаю. Один выстрел, два, три. Из ствола ружья в темноту вырывалось пламя.

Кaleb знал, что это его отец.

Он надел обвязку и застегнул ее прежде, чем осознал, что делает это автоматически, безо всякого плана, на инстинкте.

– Кaleb, какого черта ты делаешь?

Холлис уставился на него. Кaleb вспрыгнул на край стены и повернулся спиной к полю.

– Скажи Апгару, что нам нужен взвод у пешеходного входа. Вперед.

Прежде чем Холлис успел что-то сказать, Кaleb оттолкнулся и полетел вниз, по широкой дуге. Когда его ботинки коснулись бетона, оттолкнулся снова. Еще два толчка, и он приземлился на землю. Отстегнул обвязку и перекинул винтовку вперед.

Его отец бежал вверх по склону вместе с остальными, они только что оказались внутри освещенного периметра. Зараженные собирались на его границе. Некоторые прикрывали глаза,

другие низко присели, сжавшись в комок. Секундная нерешительность, борьба инстинктов внутри их. Достаточно ли будет такого света, чтобы удержать их?

Зараженные ринулись вперед.

Загрохотали пулеметы. Кaleb рефлекторно пригнулся, когда над его головой засвистели пули, с мокрым чавканьем вонзаясь в атакующих тварей. Летела кровь, плоть отрывалась от костей, целые куски тел Зараженных улетали в темноту. Казалось, они не просто умирали, а разлетались на части. Пулеметы продолжали стрелять. Бойня, но в освещенный периметр бежали все новые и новые.

– Вход! – крикнул Кaleb. Он бежал вперед, под углом сорок пять градусов к стене, махая руками над головой. – Бегите к входу!

Потом опустился на одно колено и начал стрелять. Видит ли его отец? Знает ли он, кто здесь? Рычаг затвора отскочил назад и застыл. Тридцать патронов на одном дыхании. Бросив магазин на землю, Кaleb сунул руку в разгрузку, схватил следующий и вставил на место.

Что-то врезалось в него сзади. Дыхание, зрение, мысли, все вылетело из него. Он ощутил, что летит, почти что повис в воздухе. Потрясающе. На лету он едва успел поразиться легкости его тела по сравнению с остальным. А затем его тело вновь обрело вес, и он рухнул на землю. Покатился вниз по склону, винтовка болталась на ремне вокруг него. Он попытался восстановить контроль над своим телом, перестать катиться вниз. Ухватился за винтовку, но указательный палец застрял в скобе спускового крючка. Он катился дальше, перекатился на грудь, винтовка оказалась между ним и землей, и он продолжал катиться. И тут она выстрелила.

Боль! Он перестал катиться, оказавшись на спине. Винтовка лежала у него на груди. Неужели он сам себя подстрелил? Земля под ним будто кружилась, отказываясь остановиться. Он моргнул, глядя на прожекторы. Нет ощущения, которое должно быть, если бы он был ранен. Больно было в двух местах – на груди, куда пришлась отдача от выстрела, и у наружного края правой брови. Кaleb ощупал лоб, ожидая ощутить кровь, но пальцы были сухими. И он понял, что произошло. Выброшенная винтовкой стреляная гильза отскочила от земли и попала ему в лицо, едва не в глаз. Тебе охренительно повезло, Кaleb Джексон, подумал он. Остается надеяться, что этого никто не видел.

На него упала тень.

Кaleb вскинул винтовку, но когда его левая рука скользнула под ствол, он понял, что магазина нет на месте. Его сорвало, пока он катился. Несколько раз в жизни Кaleb пытался представить себе момент своей смерти. И среди этих образов не было картины того, что он лежит на спине на земле с пустой винтовкой, а Зараженный рвет его на части. Возможно, подумал он, так у всех. Уверен, о таком ты не думал. Кaleb бросил винтовку. Одна надежда на пистолет. Он передернул затвор? Не забыл снять с предохранителя? Вообще, на месте ли пистолет или улетел, как и магазин винтовки? Тень приобрела очертания человеческого силуэта, но это был вовсе не человек. Наклонилась голова. Протянулись когти. Раздвинулись губы, обнажая темную дыру, обрамленную зубами. Пистолет уже был в руке Калеба и поднимался.

Струя крови. Создание скрючилось с дырой в середине груди. Медленно, почти нежно коснулось когтистой рукой раны. Подняло голову с непонимающим выражением лица. Я умер? Ты это сделал? Но Кaleb не делал этого. Он даже не спустил курок. Выстрел прозвучал за его спиной. Мгновение они смотрели друг на друга, Кaleb и умирающее создание, а затем справа от Калеба появилась вторая фигура, сунула ствол ружья в пасть Зараженному и выстрелила.

Это был его отец. С ним была женщина, босая, в простом платье, таком, в каких ходили Сестры. У нее были едва заметные темные волосы на голове. В ее выпрямленной руке был пистолет, из которого был сделан первый выстрел, смертельный.

Эми.

– Питер... – сказала она и осела на колени.

А потом они бежали.

Позже Калев не смог вспомнить ни одного слова. Отец тащил Эми на плечах, вместе с ним были еще двое мужчин, один из которых держал ружье, которое бросил его отец. Пешеходный вход был открыт, внутри стояли шестеро солдат на изготовку к стрельбе.

– Ложись!

Голос Холлиса. Все рухнули на землю. Над ними завизжали пули. Стрельба тут же прекратилась. Калев поднял голову. Холлис махал рукой вверх винтовки.

– Бегом, живо!

Его отец и Эми вбежали внутрь первыми, Калев следом. У них за спиной снова загрохотали выстрелы. Солдаты перекрикивались

– Слева! Справа! Давай, давай!

Они продолжали стрелять, по одному отступая внутрь через узкий проход. Последним внутрь вошел Холлис. Бросил винтовку и схватил дверь за штурвал, чтобы защелкнуть замок сразу же, как дверь встанет на место. Дверь почти дошла до места и вдруг остановилась.

– Помогите!

Холлис толкал дверь плечом. Калев ринулся вперед и толкнул дверь. Остальные сделали то же самое. Но щель начала становиться шире. Калев развернулся, подпирая спиной дверь, и уперся каблуками ботинок в землю. Но конец был предопределен. Даже если им и удастся удержать дверь еще минуту-другую, Зараженные все равно переселят их.

И он понял, что есть решение.

Опустил руку на пояс. Калев ненавидел гранаты, никак не мог избавиться от иррационального страха, что они могут взорваться не вовремя. Так что от него потребовалось некоторое усилие над собой, чтобы вытащить гранату и выдернуть чеку. Удерживая пальцами пластину ударника, он повернул голову к краю двери. Места побольше надо, слишком узкая щель. Вряд ли кому-то понравится то, что он собирается сделать, но времени объяснять не было. Он сделал шаг назад. Дверь дернулась внутрь, дюймов на шесть. У ее края появилась ищущая когтистая лапа.

– Что ты делаешь! Толкай чертову дверь! – заорали все.

Калев отпустил пластину. Ударник стукнул по запалу.

– Лови, – сказал он и кинул гранату в щель.

И тут же привалился плечом к двери. Закрыв глаза, считал секунды, как молитву читал. Миссисипи раз, Миссисипи два, Миссисипи три...

Бабах.

Свист осколков. Шорох падающей земли.

58

– Санитара сюда, живо!

Питер опустил Эми на землю. Ее губы зашевелились.

– Мы внутри? – спросила она, очень тихо.

– Все в безопасности.

Ее кожа была бледной, веки припухли.

– Прости меня. Я думала, я сама смогу.

Питер поднял взгляд.

– Где мой сын? Калев!

– Я тут, папа.

Его мальчик стоял позади него. Питер выпрямился и яростно обнял его.

– Какого черта ты там снаружи делал?

– Отправился за вами.

На его руках и лице были царапины, один из локтей кровоточил.

– Что с Пим и Тео?

Питер не мог сдержаться, слова сами вылетали из него.

– Они в безопасности. Мы несколько часов назад сюда добрались.

Все свалилось на Питера разом. Мысли разбегались в разные стороны. Он был изнурен, ему хотелось пить, город подвергся нападению, его сын и родные в безопасности. Появились два медика с носилками; Грир и Майкл положили на них Эми.

– Отправляюсь с ней на санитарный пост, – сказал Грир.

– Нет, я.

Грир взял его за руку повыше локтя и пристально посмотрел в глаза.

– Она будет в порядке, Питер, – мы сделали это. А теперь займись своим делом.

Они унесли ее прочь. Подняв взгляд, Питер увидел, как к нему быстро идут Апгар и Чейз. Стрельба над головой почти стихла, слышны были лишь отдельные выстрелы.

– Мистер президент, в будущем я буду очень вам признателен, если вы не станете подвергать себя такому риску, – сказал Апгар.

– Каково наше положение?

– Похоже, что атака шла только с севера. С других направлений мы со стены никого не видели.

– Что слышно от поселений.

Апгар помолчал.

– Ничего.

– Что значит «ничего»?

– Никто не выходит на связь. Этим утром патрули проехали до самого Ханта на запад, на юг до Бандеры и на север до Фредериксбурга. На данный момент нам приходится предположить, что все они захвачены.

У Питера не было слов. Больше двухсот тысяч человек, их нет.

– Мистер президент?

Апгар смотрел на него. Питер сглотнул.

– Сколько людей у нас внутри?

– Считая военных, четыре, может, пять тысяч, не больше. Особо не с чем воевать.

– Что насчет перешейка? – спросил генерала Майкл.

– На самом деле пару часов назад получили от них сообщение по радио. Некто по имени Лора интересовалась, где вы. Они ничего не знают о нападении прошлой ночью, так что, полагаю, драки их упустили из виду. Или они слишком умные, чтобы лезть туда по той узкой дороге.

Стрельба у них над головами стихла окончательно.

– Может, на сегодня все, – сказал Чейз, с надеждой глядя на их лица. – Может, мы их отпугнули.

Питер так не думал и понимал, что и Апгар тоже.

– Нам надо принимать решения, Питер, – заговорил Майкл. – Окно быстро закрывается. Нам нужно обговорить, как выводить людей отсюда.

Эта мысль выглядела полным абсурдом.

– Я не оставляю этих людей без защиты, Майкл. Все началось. Сейчас мне на стене каждый нужен, кто может хоть вилы в руках держать.

– Ты совершаешь ошибку.

Голос с помоста:

– Контакт! Две тысячи ярдов!

Сначала они увидели вдали светящуюся линию.

– Солдат, дай мне бинокль.

Дозорный отдал ему бинокль. Питер приставил окуляры к глазам. Стоящие рядом на площадке Апгар и Майкл тоже смотрели на север.

– Можешь сказать мне, сколько их там? – спросил генерала Питер.

– Слишком далеко.

Апгар снял с ремня рацию и поднес ко рту.

– Всем постам, что видите?

Треск помех.

– Пост номер один, не обнаружено.

– Пост номер два, нет контакта.

– Пост номер три, также. Ничего не видим.

И так далее, по всему периметру. Светящаяся линия становилась шире, хотя, казалось, не приближалась.

– Какого черта они творят? – сказал Апгар. – Они просто ждут там.

– погоди, – сказал Майкл. – Тридцать градусов влево.

Питер посмотрел туда, куда показал Майкл. Там образовывалась вторая линия.

– Еще одна, – сказал Апгар. – Сорок вправо, у деревьев. Похоже на большую стаю. И с севера еще подходят.

Основная линия была уже длиной в несколько сот метров. Зараженные прибывали отовсюду, сливаясь с основной массой в центре.

– Это не разведывательный отряд, – сказал Питер.

– Посыльные, готовность! – заревел Апгар. Повернулся к Питеру: – Мистер президент, нам надо обеспечить вашу безопасность.

Питер обратился к одному из дозорных:

– Капрал, дай мне эту М-16.

– Питер, прошу, это плохая мысль.

Солдат отдал Питеру винтовку. Отцепив магазин, Питер сдул пыль с верхнего патрона и вставил магазин обратно. Передернул затвор.

– Знаешь, Гуннар, по-моему, ты впервые лет за десять меня по имени назвал.

На этом разговор закончился. Они слышали низкий гул, накатывающийся на них. С каждой секундой он становился громче.

– Что это такое? – спросил Майкл.

Это был звук топота ног по земле. Скопление становилось все больше, и оно надвигалось на них. Позади высоко в воздух поднялись клубы пыли.

– Боже правый, – сказал Питер. – Они тут все.

– Не стрелять, пока не выйдут к периметру! – крикнул Апгар, перекрикивая гул.

Орда была в трех сотнях метров и приближалась. Она походила не на армию, а на какое-то природное явление – смерч, ураган, наводнение. Платформа башни начала вибрировать всеми болтами и заклепками от сейсмического ритма движущихся Зараженных.

– Ворота выдержат? – спросил Питер Апгара. Тот тоже уже сменил бинокль на винтовку.

– Это?

Две сотни метров. Питер прижал приклад к плечу у ключицы.

– Товсь! – проревел Апгар.

Сто метров.

– Цельсь!

Все замерло.

Зараженные остановились у края освещенной зоны. Не просто остановились – замерли на месте, будто щелкнул выключатель.

– Какого черта?..

Масса разделилась пополам, образовав коридор. Сзади вперед будто по толпе Зараженных пробежала волна. Это движение выглядело в своем роде почтительным, будто Зараженные давали дорогу великому королю, кланяясь ему, когда он проходил. Сквозь сердце орды двигалось нечто, похожее на большое животное. Оно приближалось к городу мучительно медленно, и коридор образовывался прямо перед ним. Все стволы были наставлены туда, где оно должно было появиться. Сто футов, пятьдесят, двадцать. Передние ряды Зараженных разошлись, будто открывая ворота шокирующе обычной фигуре верхом на лошади.

– Это он? Это Зиро? – спросил Апгар.

Всадник выехал вперед, в лучи прожекторов. На полпути к воротам остановил коня и спешился. Не «он», а «она», понял Питер. Свет прожекторов отразился от темных очков, закрывающих верхнюю половину ее лица. Ножны с каким-то оружием, мечом или длинным ружьем, наискосок на спине, две перевязи накрест на груди.

Перевязи.

– Охренеть, – выдохнул Майкл.

Держа спину прямой, женщина запрокинула голову, глядя на верхний край стены.

– Я Алиша Донадио, капитан Экспедиционного Отряда! Где Питер Джексон?

59

Миновало тридцать минут. Все стояли на позициях. Отойдя от пешеходного прохода, Питер кивнул Хеннеману:

– Открывайте, полковник.

Хеннеман повернул штурвал и отошел назад. Внутри тоннеля послышался стук копыт. Вихрь энергии пронизал шеренгу солдат, стоящих напротив входа, все вскинули винтовки и прицелились. По стене тоннеля протянулась тень, и появилась Алиша. Одной рукой она держала короткую веревку, привязанную к уздечке коня, вторая рука была небрежно опущена. Корона ее рыжих волос была плотно заплетена в косу, спускающуюся ниже середины спины. На ней была футболка без рукавов, не скрывающая мускулистые руки и плечи, свободные брюки, затянутые на талии, и кожаные ботинки. Она быстро оглядела толпу, свет прожекторов отразился от ее очков, будто ее собственные маленькие прожектора. Еще шаг вперед, и она остановилась, ожидая указаний.

– Иди вперед, – сказал Питер. – Медленно.

Она прошла еще шесть метров, и Питер приказал ей остановиться.

– Сначала ножи. Бросай вперед.

– Это все, что ты хочешь сказать?

У него внезапно возникло ощущение нереальности происходящего, будто он говорит с призраком.

– Ножи, Лиш.

Она глянула в сторону от Питера.

– Майкл. Я и не заметила, что ты здесь.

– Привет, Лиш.

– И полковник Апгар.

Алиша дернула подбородком.

– Рада вас видеть, сэр.

– Для вас, Донадио, генерал.

Апгар стоял, скрестив руки на груди, с мрачным и жестким выражением лица.

– Мистер президент, скажите слово, и все это кончится.

– Мистер президент?

Алиша слегка нахмурилась.

- Ты продвинулся в этом мире, Питер.
- Все та же болтовня, шуточный тон. В чем тут подвох?
- Я сказал, снимай их.

Алиша демонстративно ленивым движением расстегнула пряжки и кинула перевязи на землю.

- А теперь меч, – сказал Питер.
- Я здесь для переговоров, ничего больше.
- Питер повысил голос, обращаясь к стоящим на стене:
- Снайперы! Коня на прицел!
- Затем снова обратился к Алише:
- Солдат, не так ли?

Если он и разозлил ее, она не показала этого. Сняла через голову ножны и швырнула вперед.

- А теперь очки, – сказал Питер.
- Я не угроза, Питер, я всего лишь посланник.
- Он ждал.
- Как пожелаешь.

Очки были сняты, открыв его взору ее глаза. Все тот же оранжевый цвет, но ярче, более пронзительный. Время не оставило на ней следа, она не состарилась ни на день. Но что-то изменилось, нечто, невидимое взгляду, то, что можно лишь ощутить, будто покалывание перед приближающейся грозой, еще до того, как стали видны тучи. Ее взгляд не блуждал, она прямо смотрела ему в глаза. Вызывающе, хотя теперь, когда ее лицо не было скрыто, было впечатление, что она обнажена, почти что уязвима. Ее уверенность была уловкой. Под ней скрывалась нерешительность.

- Зажгите свет.

Позади него зажгли три переносные батареи натриевых ламп. Они ударили в лицо Алише будто выстрел. Она закрыла лицо руками, и полдюжины солдат ринулись вперед и повалили ее лицом на землю. Солдат громко заржал и встал на дыбы, молотя копытами в воздухе. Один из солдат ткнул дулом пистолета в основание черепа Алиши, а остальные облепили ее тело.

– Кто-нибудь, управьтесь с животным! – рявкнул Питер. – Если будут проблемы, пристрелите!

- Оставьте его в покое!
- Полковник Хеннеман, наденьте наручники на пленного.

Двое солдат увели коня, а Хеннеман убрал пистолет в кобуру, вышел вперед и надел наручники на запястья и лодыжки Алиши. Пристегнул цепь, соединяя их за ее спиной.

- Встань и посмотри на меня, – сказал Питер.

Алиша перекатилась в сидячее положение. Ее глаза были зажмурены, она опустила голову вниз и в сторону от резкого света, будто уворачиваясь от удара.

- Я пытаюсь спасти ваши жизни, Питер.
- У тебя интересный способ продемонстрировать это.
- Тебе надо услышать то, что я должна сказать.
- Тогда говори.

Прошло мгновение, и она заговорила:

– Есть человек – более чем человек, Зараженный, но он выглядит, как мы. Его зовут Фэннинг. Он в Нью-Йорке, в здании, которое называется Гранд-Сентрал. Он тот, кто послал меня.

- Так вот где ты была все это время?

Алиша кивнула.

– Есть вещи, Питер, которые я тебе никогда не рассказывала. Вещи, которые я *не могла* сказать тебе. Моя зараженная часть всегда была сильнее, чем я рассчитывала. Ощущение становилось хуже и хуже – я знала, что не смогу контролировать это долгое время. Сразу после Айовы я начала слышать у себя в голове голос Фэннинга. Вот почему я отправилась в Нью-Йорк. Я намеревалась убить его. Или он бы убил меня. На самом деле мне было плевать. Я просто хотела, чтобы все это кончилось.

– Так почему ты этого не сделала?

– Поверь мне, я хотела. Я хотела снести ему его чертову голову. Но я не смогла. Зараженный, который укусил меня в Колорадо, не был из Легиона Бэбкока. Он был из Легиона Фэннинга. Во мне его вирус. Я принадлежу ему, Питер.

Я принадлежу ему. Ужасные слова. Питер поглядел на Апгара, чтобы убедиться, что тот понял их значение. Апгар понял.

– У Фэннинга и меня был уговор. Если я останусь с ним, он оставит в покое вас.

– Похоже, что он передумал.

Алиша резко тряхнула головой.

– Я не играла в этом никакой роли. Когда я поняла, что он делает, было слишком поздно пытаться остановить это. Он с самого начала ждал, когда вы разбредетесь, когда ваша оборона ослабнет. Ему нужна Эми. Если я приведу ее к нему, он прекратит это.

Так вот оно что.

– И что он от нее хочет?

– Я не знаю.

– Не смей лгать мне.

– Где она, Питер?

– Понятия не имею. Эми никто не видел больше двадцати лет.

Интонации Алиши изменились, все ее бахвальство исчезло.

– Послушай меня, *прошу*. Это не остановить. Ты видел, что он может сделать. Он не такой, как другие. Другие *ничто* по сравнению с ним.

– У нас есть стены. У нас есть прожектора. Мы воевали с ними прежде. Возвращайся и скажи ему это.

– Питер, ты не понял. Ему не надо ничего *делать*. Что у тебя есть, пара тысяч солдат? А еды сколько? А топлива? Дай ему то, что он хочет. Это ваш единственный шанс.

– Рядовой Уилсон, выйдите вперед.

Холлис вышел под свет ламп.

– Ты помнишь Холлиса, не так ли, Лиш? Не хочешь с ним поздороваться?

Она склонила голову.

– Зачем ты меня спрашиваешь?

– А как насчет его дочери Кейт? Когда ты ее последний раз видела, она маленькой девочкой была.

Алиша кивнула.

– *Скажи* это. Скажи, что ты помнишь Кейт.

– Да, я помню ее.

– Я рад, что помнишь. Она выросла, стала врачом, как ее мать. Родила двоих девочек. А прошлой ночью один из твоих друзей укусил ее. Хочешь знать, что было потом?

Алиша молчала.

– *Хочешь?*

– Питер, давай закончим с этим.

– Хорошо, закончим. Маленькая девочка, которую ты помнишь. Она застрелилась.

Ее молчание взбесило его. Что же с ней случилось? Чем она стала?

– Больше ничего не хочешь сказать, от себя?

– А что ты хочешь, чтобы я сказала? Что мне жаль? Можешь делать со мной, что пожелаешь, но это ничего не изменит.

У Питера стучала кровь в ушах, сжались кулаки. Он ткнул пальцем в ее сторону.

– *Посмотри на него.* Я приведу сюда Сару и дочерей Кейт. Можешь им сказать, как тебе жаль, чтоб тебя.

Алиша не сказала ничего.

– Двести тысяч человек, Лиш. И ты приходишь сюда и говоришь о том, чтобы сдаться? Будто он тебе *друг*?

Ее плечи дрожали. Она плачет?

– Я спрашиваю тебя еще раз. Что Фэннингу нужно от Эми?

Ее голова качалась из стороны в сторону.

– Я не знаю.

– Гуннар, дай мне пистолет.

Апгар достал пистолет из кобуры, крутанул в руке и отдал Питеру. Питер вынул обойму, проверил, сунул обратно в рукоять, громко щелкнув, демонстративно.

– Питер, что ты делаешь, черт подери? – спросил Майкл.

– Эта женщина – Зараженная. Она союзник моего врага.

– Это Алиша! Она одна из нас!

Питер решительно пошел вперед и приставил дуло к виску Алиши.

– Говори, будь ты проклята.

– Я знаю, что она здесь, – тихо сказала Алиша. – По твоему голосу слышу.

Питер взвел курок. Он не думал, действовал инстинктивно, охваченный неистовой яростью, стершей все его мысли.

– Отвечай на вопрос, или я тебе пулю в голову всажу, – сквозь зубы сказал он.

– *Подожди.*

Он обернулся. Эми, держась за руку Грира, чтобы не упасть, стояла на краю круга.

– Луций, уводи ее на хрен отсюда.

Двое солдат преградили им путь. Один уперся ладонью в грудь Гриру. Тот напрягся, но потом, передумав, смирился.

– Дай мне поговорить с ней, – сказала Эми.

Безумная мысль. Эми едва стояла на ногах, ее ветром шатало.

– Я серьезно, Грир.

– Я понимаю, что ты злишься, – сказала Эми. – Но тут много больше, чем ты знаешь.

Она говорила с ним осторожно, как с опасным зверем или человеком, стоящим на краю бездны. Питер внезапно осознал тяжесть гладкой рукоятки пистолета в его руке.

– Пусть Луций останется там, где стоит, – сказала Эми. – Но если ты хочешь получить ответ, пропусти меня.

Питер посмотрел на Алишу. Та покорно опустила голову, она выглядела маленькой, хрупкой, сломленной. Неужели он действительно был готов застрелить ее? Это казалось невозможным, но в тот момент им овладело нечто превыше его сил.

– Питер, прошу.

Повисло молчание. Все уставились на них.

– Хорошо, – сказал он. – Пропустите ее.

Солдаты разошлись в стороны. Тень Эми протянулась по земле, когда она подошла к склоненной фигуре Алиши. Закрыв собой Алишу от яркого света, Эми присела перед ней.

– Здравствуй, сестра. Рада видеть тебя.

– Мне жаль, Эми.

Ее плечи тряслись.

– Мне так жаль.

– Не стоит.

Эми мягко подняла голову Алиши пальцами под подбородок.

– Знаешь, как я горжусь тобой? Ты была очень сильна.

Слезы текли по щекам Алиши, прорезая полосы в осевшей на коже пыли.

– Как ты можешь говорить такое мне?

Эми улыбнулась.

– Потому что мы сестры, разве не так? Сестры по крови. Знаешь, в мыслях я никогда не покидала тебя. Он утешил тебя, так ведь?

У Алиши были мокрые губы, слезы капали с ее подбородка.

– Да.

– Он приблизил тебя, заботился о тебе. Он сделал так, что ты чувствовала, что ты не одинока.

– Да, – еле слышно ответила Алиша.

– Ты понимаешь? Вот почему я так горжусь тобой. Потому что ты не сдалась, в глубине души.

– Но я сдалась.

– Нет, сестра. Я знаю, что такое быть одной. Быть за пределами стен. Но теперь это кончилось.

Не сводя взгляда с Алиши, Эми заговорила громче, обращаясь к собравшимся:

– Слышите, все? Можете опустить оружие. Эта женщина друг.

– Оставаться на местах, – приказал Питер.

Эми развернула голову к нему.

– Питер, ты меня не слышал? Она с нами.

– Отойди от пленного, будь добра.

Эми непонимающе поглядела на Алишу, а потом снова на Питера.

– Все нормально, – сказала Алиша. – Делай, как он говорит.

– Лиш...

– Он всего лишь делает то, что должен. Тебе действительно сейчас лучше отойти.

Мгновение неуверенности. Эми встала. Снова мгновение, и она попятилась. Алиша уронила голову.

– Полковник, действуйте, – сказал Питер.

Хеннеман подошел к Алише сзади. На его руках были толстые резиновые перчатки, он держал металлический стержень, обмотанный медным проводом, один из концов которого был присоединен к длинному кабелю, ведущему к генератору, питающему прожекторы. Кончик стержня коснулся шеи Алиши, и она резко выпрямилась. Ее плечи дернулись назад, грудь выгнулась, будто ее проткнули. Она не издала ни звука. Пару секунд оставалась в таком положении, с натянутыми, как веревки, мускулами. А потом воздух вышел из ее рта, и она упала ничком на землю.

– Она вырубилась?

Хеннеман ткнул носком ботинка в ребра Алише.

– Похоже, да.

– Питер, зачем?

– Прости, Эми. Но я не могу ей доверять.

Подъехала машина, задним ходом. Из грузового отделения выпрыгнули двое солдат и откинули заднюю дверь.

– Хорошо, джентльмены, – сказал Питер. – Отвезем эту женщину в тюрьму. И будьте внимательны. Не стоит забывать, что она такое.

5.30. Питер стоял с Апгаром на помосте, глядя, как наступает утро. За час до рассвета орда ушла – внушительно и тихо, будто волна, откатившаяся от берега, чтобы слиться с огромным темным телом моря. Все, что осталось, – широкая полоса утопанной земли и поля поломанной кукурузы за ней.

– Полагаю, это до следующей ночи, – сказал Апгар.

В его голосе были тяжесть и обреченность. Они ждали, не разговаривая, каждый наедине со своими мыслями. Прошло несколько минут, и зазвучала труба – звук распространился над землей, будто вдох, за которым последовал неизбежный выдох. Прокатившись по долине, он стих. По всему городу перепуганные люди выбирались из подвалов и убежищ, из шкафов и из-под кроватей. Старики, соседи, семьи с детьми. Они посмотрят друг на друга, устало, широко открыв глаза. Это кончилось? Мы в безопасности?

– Вам нужно поспать, – сказал Апгар.

– Тебе тоже.

Но Апгар не шелохнулся. У Питера болел живот, пустой. Он уже не помнил, когда в последний раз ел. Остальное тело будто онемело и стало невесомым. Кожу на лице стянуло, как высохшую бумагу. Потребности тела. Будь хоть конец света, но пописать все равно захочется.

– Знаешь, – начал Апгар и зевнул, прикрыв рот кулаком, – я думаю, что Чейз что-то задумал. Может, нам стоит пустить это на самотек, чтобы разобраться.

– Интересная мысль.

– Так ты, значит, реально был готов пристрелить ее?

Этот вопрос мучил его всю ночь.

– Не знаю.

– Ладно, не надо себя винить. Вот у меня бы проблем не было.

Он помолчал.

– В одном Донадио была права. Даже если мы сумеем сдержать их, у нас топлива не хватит, чтобы прожектора горели, больше чем на пару ночей.

Питер подошел к краю стены. Серое утро, безразличный, тусклый свет.

– Я позволил этому случиться.

– Все мы позволили.

– Нет, это на мне. Мы вообще не должны были открывать ворота.

– И что бы ты делал? Ты же не мог вечно держать людей взаперти.

– Тут ты меня не переубедишь.

– Я просто объясняю реальную ситуацию. Если хочешь кого-то винить, вини Вики. Черт, вини *меня*. Решение разрешить поселения было принято задолго до того, как ты стал президентом.

– Но я президент, Гуннар. Я мог остановить это.

– И получил бы революцию. Как только драки исчезли, это был вопрос решенный. Удивляюсь, что нам так долго удалось держать в порядке это место.

Что бы ни сказал Гуннар, Питер знал правду. Он позволил себе расслабиться, позволил себе поверить, что все осталось в прошлом – война, Зараженные, старый порядок вещей, – и теперь погибли двести тысяч человек.

Хеннеман и Чейз с топотом поднялись на помост. Чейз выглядел так, будто переночевал под мостом, но Хеннеман, всегда следящий за собой, ухитрился пережить эту ночь, едва растрепав волосы.

– Какие приказы, генерал? – спросил полковник.

Не то время, чтобы ослаблять оборону, но людям нужен отдых. Апгар устроил смены по четыре часа – одна треть на стене, одна треть в патруле по периметру, одна треть в койках.

– И что теперь? – спросил Чейз, когда Хеннеман ушел.

Питер уже не слышал их; у него зародилась мысль. Нечто старое. Нечто из прошлого.

– Мистер президент?

Питер повернулся к ним.

– Гуннар, где у нас слабые места? Помимо ворот.

Апгар немного подумал.

– Стены крепкие. Плотины вообще неприступная.

– Значит, проблема в воротах.

– Я бы так сказал.

Сработает ли это? Должно бы.

– В моем кабинете через два часа, – сказал Питер.

– Открывай дверь.

Служащий тюрьмы открыл замок, и Питер вошел внутрь. Алиша сидела на полу. Ее скованные наручниками руки и ноги были спереди. Цепь от них была присоединена к большому железному кольцу на стене. Окно было закрыто плотной тканью, чтобы ослабить свет.

– Как раз вовремя, – с усмешкой сказала она. – Я уж начала думать, что ты про меня забыл.

– Когда закончу, постучу, – сказал охраннику Питер.

Тот оставил их наедине. Питер сел на койку лицом к Алише. Они молча смотрели друг на друга, разделенные пропастью, которая ощущалась куда большей, чем казалась физически.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Ой, да ладно.

Небрежное пожатие плеч.

– Не хуже, чем пуля в голову. Хоть еще раз.

– Я злился. И до сих пор злюсь.

– Да, это я почувствовала.

Она медленно оглядела его лицо.

– А теперь я могу нормально посмотреть на тебя. Должна сказать, ты хорошо держишься. Этот снег на вершине тебе идет.

Он улыбнулся слегка.

– А ты все такая же.

Она оглядела крохотную камеру.

– Ты правда здесь всем заправляешь? Президент, и все такое.

– Похоже на то.

– Нравится?

– Последние пару дней было не слишком клево.

Короткие, скупые фразы, будто танец под мелодию, которая слышна лишь им двоим. Ничего не поделать, он соскучился по такому.

– Ты втравила меня в переплет, Лиш. Этой ночью ты сделала слишком большой ляп.

– Время не рассчитала.

– С точки зрения правительства ты изменник.

Она подняла взгляд.

– А с точки зрения Питера Джексона?

– Тебя очень долго не было. Эми, похоже, считает, что ты на нашей стороне, но не она здесь решает.

– Я на вашей стороне, Питер. Но это не меняет ситуации. В конечном счете тебе придется отдать ее. Ты не сможешь его победить.

– Знаешь, а вот тут есть проблема. Я никогда не слышал, чтобы ты такое говорила, ни о чем.

– Тут другой случай. *Фэннинг* – другой. Он контролировал все, с самого начала. Единственная причина того, что мы смогли убить Дюжину, – то, что он нам это *позволил*. Все мы для него – фигуры на доске.

– Так почему же ты стала верить ему теперь?

– Возможно, я выразилась недостаточно ясно. Я ему не верю.

– «Он утешил тебя». «Он заботился о тебе». Я правильно это запомнил?

– Он сделал это, Питер. Но это не одно и то же.

– Хорошо бы тебе получше это объяснить.

– Зачем? Чтобы ты мне поверил? На мой взгляд, у тебя нет выбора.

– И с кем я тут разговариваю? С тобой или с Фэннингом?

Ее глаза сузились от гнева. Слова Питера попали в больное место.

– Я поклялась, Питер. Так же, как ты, так же, как Апгар, так же, как все, кто был на стене этой ночью. Я оставалась с Фэннингом потому, что верила, что он оставит в покое Кервилл. Да, он был добр ко мне. Я не говорю, что не был. Веришь, нет, но я его действительно жалею, пока не вспомню, что он такое.

– И что он такое?

– Враг.

Лжет ли она? В данный момент это не имело значения. То, что она *хочет*, чтобы он ей поверил, – момент, который можно использовать.

– Скажи мне, кто нам противостоит, сколько там драков.

– Я думала, ты видел этой ночью.

– Другими словами, остальные силы Фэннинга в Нью-Йорке. Он держит их в резерве.

Алиша кивнула.

– За мной никто не шел, если ты это имеешь в виду. Остальные в тоннелях под городом.

– И ты не знаешь, чего он хочет от Эми?

– Если бы знала, то сказала бы тебе. Попытаться понять Фэннинга – глупое занятие. Он сложный человек, Питер. Я двадцать лет пробыла с ним и так и не поняла его окончательно. Большую часть времени он просто печален. Ему не нравится, что он такое, но он видит в этом определенную справедливость. Или, по крайней мере, хочет видеть.

– Не понимаю, – сказал Питер, хмурясь.

Алиша призадумалась, формулируя слова.

– На вокзале есть часы. Очень давно Фэннинг должен был встретиться там с женщиной. Она подняла взгляд.

– Это долгая история. Могу тебе ее пересказать, но это займет не один час.

– Изложи кратко.

– Женщину звали Лиз. Она была женой Джонаса Лира.

Питер удивленно поглядел на нее.

– Ага, я тоже удивилась. Они хорошо знали друг друга. Фэннинг был влюблен в нее с молодости. Когда она вышла замуж за Лира, он практически сдался, но не совсем. А потом она заболела. Она умирала от какой-то формы рака. Выяснилось, что она тоже любит его и любила с самого начала. Она и Фэннинг хотели сбежать, чтобы провести вместе ее последние дни. Слышал бы ты, Питер, как он рассказывал это мне. Просто сердце разрывалось. Они должны были встретиться под часами, но Лиз так и не приехала. Она умерла по дороге, но Фэннинг не знал этого. Решил, что она передумала. Напился в баре и отправился домой с женщиной. Чужой, которую он толком не знал. Он убил ее.

– Другими словами, он убийца.

Алиша сделала такое лицо, что стало ясно, что она не согласна.

– Ну, это было что-то вроде несчастного случая, по его словам. Он был не в своем уме, решил, что его жизнь кончена. Она наставила на него нож, они устроили возню, и она упала на нож.

– Приговорив его к смерти, как и Дюжину.

– Нет, ему это сошло с рук. Он чувствовал себя ужасно по этому поводу. Он много наворотил, но он не был хладнокровным убийцей, по крайней мере, тогда. Позже он отправился в Южную Америку с Лиром, откуда и пошел этот вирус. Лир многие годы искал его; думал, что сможет использовать его, чтобы спасти жену, хотя на тот момент эта задача уже отпала. Фэннинг описывал его как совершенно одержимого.

– Так Фэннинг и подхватил вирус?

Алиша кивнула.

– Насколько я поняла из рассказа Фэннинга, это произошло случайно, хотя с его точки зрения виноват Лир. После того как Фэннинг заразился, Лир привез его обратно в Колорадо. Он все еще надеялся использовать вирус как панацею от всех болезней, но тут вмешались военные. Они хотели использовать это в качестве оружия, создать с его помощью что-то вроде суперсолдата. Именно тогда они привезли туда двенадцать заключенных.

Питер на мгновение задумался. И тут его мысль обрела четкость.

– А что же Эми? Зачем военные взяли ее?

– Они не делали этого, это сделал Лир. Он использовал другой вирус, не тот, что происходил от Фэннинга. Поэтому она не такая, как остальные. Это да еще то, что она была совсем маленькой. Думаю, Лир понял, что все пошло не так, и пытался исправить это.

– Странный способ он выбрал.

– Как я уже сказала, Фэннинг совершенно уверен, что Лир съехал с катушек. В любом случае с точки зрения Фэннинга Эми – рыбка, которая сплыла. Убить Дюжину было испытанием – не для нас, поскольку мы бы против них не выстояли. Фэннинг испытывал *ее*. Не знаю, почему я вовремя этого не поняла, то, что он привел их в одно место в одно время. Он, мягко говоря, никогда к ним симпатии не испытывал. Кучка долбанутых, по его словам.

– А он сам – нет?

Алиша пожала плечами.

– Это как посмотреть. Если речь о том, чтобы отличать правильное от неправильного, то я бы сказала, что нет. Он очень хорошо все это понимает на самом деле. И это самое странное в нем, то, чего я вообще понять не могу. Обычному драку на все плевать, так или иначе – он просто машина, которая жрет. Фэннинг размышляет *обо всем*. Быть может, Майкл был бы способен с ним в этом сравниться, но не я. Когда с ним разговариваешь, ощущение, будто тебя лошадьми тащит.

– Так зачем испытывать ее? Что он пытается выяснить?

Алиша отвела взгляд.

– Думаю, он хочет понять, действительно ли она отличается от остальных. Я не думаю, что он хочет убить ее. Это было бы слишком банально. Как по мне, я бы предположила, что все упирается в его эмоции по отношению к Лиру. Фэннинг ненавидел его. Реально *ненавидел*. И не только потому, что Лир сделал это с ним. Причина глубже. Лир создал Эми для того, чтобы все исправить. Возможно, Фэннинг не может смириться с этим. Как я уже говорила, большую часть времени он печалится. Сидит там на вокзале у этих часов так, будто для него время остановилось, когда Лиз не приехала.

Питер ждал, что она скажет больше, но Алиша, похоже, на этом закончила.

– Этой ночью ты назвала его человеком.

Она кивнула.

– По крайней мере, он так выглядит, если не считать мелких отличий. Он чувствителен к свету, намного сильнее, чем я. Он никогда не спит или почти никогда. Предпочитает есть теплое. И...

Она показала большим и указательным пальцами на резцы.

– У него это.

Питер нахмурился.

– Клыки?

Она кивнула.

– Только вот эти два.

– Он всегда такой был?

– На самом деле, нет. Сначала он был точно такой же, как они все. Но что-то случилось, происшествие. Напав на кого-то, он упал в воду. Это было в самом начале, через несколько дней после того, как он вырвался из лаборатории Проекта НОЙ. Никто из нас не может плавать, и Фэннинг камнем пошел ко дну. Когда очнулся, лежал на берегу и выглядел уже так, как сейчас.

Она помолчала, прищурившись и глядя на него, будто ей пришла в голову неожиданная мысль.

– С Эми случилось то же самое?

– Что-то вроде.

– Но ты мне не расскажешь.

Питер решил сменить тему:

– Может ли вода изменить его Легион?

– Фэннинг говорит, нет, только его.

Питер встал с койки. Закружилась голова. Ему действительно надо прилечь, хоть на несколько минут. Но важно не показать ей, насколько он изнурен – старая привычка, с тех дней, когда они вместе стояли в Страже, пытаясь показать себя лучше. Я так могу, а ты?

– Прости меня за эти цепи.

Алиша подняла руки и оглядела их с безразличным выражением лица, будто чужие. Пожала плечами и уронила их на колени.

– Забудь. Похоже, я тебе изрядно забот добавила.

– Тебе что-то нужно? Еда, вода?

– Теперь у меня несколько странная диета.

Питер понял, о чем речь.

– Посмотрю, что могу сделать.

Молчание. Оба понимали всю неловкость ситуации.

– Знаю, ты не хочешь мне верить, – сказала Алиша. – Черт, я бы и сама не поверила. Но я сказала тебе правду.

Питер ничего не ответил.

– Мы были *друзьями*, Питер. Все эти годы ты был единственным человеком, на которого я могла положиться. Мы были друг за друга.

– Да, были.

– Скажи мне, что для тебя это еще что-то значит.

Он посмотрел на нее и вспомнил ту ночь, когда они прощались в гарнизоне в Колорадо много лет назад – в ночь перед тем, как он отправился в горы с Эми. Какие они были молодые! Стояли у казармы, их пронизывал холодный ветер, и он так страстно любил Алишу, как никого в своей жизни – ни родителей, ни Тетушку, ни даже родного брата Тео, никого. Это было не любовью мужчины к женщине или брата к сестре, нечто более тонкое, будто заложенное в его суть – мощная, субатомная энергия, которой не было названия. Питер уже не мог вспомнить, что они тогда сказали друг другу, осталось только ощущение, будто следы на снегу. Это был один из тех моментов, когда ему еще казалось, что он может понять жизнь и ее смысл – он был

достаточно молод, чтобы верить, что такое возможно, – и попытка вспомнить это пробудила в нем свежие чувства, яркие, будто и не прошло трех десятков лет с той ночи, холода, в котором его согревало спасительное тепло и свет отваги Алиши. Но потом он оставил эти воспоминания, и его сознание вернулось в настоящее. Остался лишь тяжкий груз печали в груди. Двести тысяч живых душ стинули, и в центре всего этого – Алиша.

– Да, – сказал он. – Значит. Но, боюсь, ничего не меняет.

Он три раза громко стукнул в дверь. Щелкнул замок, и появился охранник.

– Не тупи, Питер. Фэннинг именно таков, как я сказала. Я не знаю, что ты планируешь, но не делай этого.

– Благодарю, – сказал Питер охраннику. – Я закончил.

Алиша рванулась вперед, и зазвенела цепь, которой она была прикована к стене.

– Черт побери, послушай меня! Это плохо, вступать в бой с ним!

Но он уже едва слышал ее слова, решительно шагая по коридору.

61

А теперь, моя Алиша, ты пребываешь среди них.

Откуда я это знаю? Я знаю это, как знаю все. Я – миллион сознаний, миллион историй жизни, миллион ищущих глаз. Я повсюду, моя Алиша, я приглядываю за тобой. Я приглядывал за тобой с самого начала, все оценивая, осмысливая. Не будет ли слишком сильным сказать, что я ощутил твое появление в тот день, когда ты родилась на свет – мокрый пищащий комочек, чьи жилы уже наполняла горячая кровь протеста? Конечно же, невозможно, но выглядит именно так. Таковы хитрые пути providения – все кажется предопределенным и известным, и в прошлом, и в будущем.

Какой красивый выход ты устроила! С этим гордым заявлением, артистично, сколь властно ты вышла в свет города, предъявив свои требования! Как могли обитатели осажденной столицы не упасть в обморок от твоего очарования, подкрепленного драматизмом ситуации твоего появления? «Я Алиша Донадио, капитан Экспедиционного Отряда!» Прости, Алиша, эти вычурные слова, но у меня высокопарное настроение. С тех пор как великий Ахиллес стоял у стен могущественной Трои, в нашем фрагменте мироздания не видели подобных тебе. Без сомнения, в этих стенах свершаются великие переговоры. Дебаты, эдикты, угрозы и ответные угрозы – обычное словесное фехтование в осажденном городе. Станем ли мы сражаться? Или мы сбежим? Честно, восхитительно, однако – прости меня за аналогию – эти споры имеют такое же отношение к исходу ситуации, как барахтанье к утоплению. Они лишь заставляют все случиться еще быстрее.

В твое отсутствие, Алиша, я, так сказать, брал с тебя пример. Ночь за ночью темнота манит меня, и мои ноги снова сами привели меня на улицы могущественного Готэма. Наконец-то в этой обители изгнания наступило лето. В ветвях щебечут птицы, деревья и цветы пускают по ветру свои половые клетки, новорожденные создания всякого рода делают свои первые неуверенные шаги в траве. (Прошлой ночью, вспомнив, как ты тревожилась о моих силах, я отвел в честь тебя помет из шести молодых кроликов.) Что же это за непоседливость во мне такая? Затерявшись мыслями среди манхэттенских лабиринтов из стекла, камня и стали, я чувствую себя ближе к тебе, но и кое-что еще: ощущение прошлого, настолько яркое и сильное, что это можно сравнить с галлюцинациями. Ведь, в конце концов, именно летом я отправился в Нью-Йорк на похороны моего друга Лучесси, и этот город впервые наложил на меня узы любви. Я закрываю глаза, и я там, с ней, с моей Лиз, эта женщина и это место неизгладимо отпечатались во мне. Назначенный час, встреча у часов, мы выходим наружу, в гущу людей, раннюю для этого времени суету; внезапное уединение в такси, потрескавшийся винил сиденья, ощущения миллионов тех, кто был тут до тебя; пытаящая человеческая масса,

запрудившая улицы и тротуары; нетерпеливое, бессмысленное бибиканье, завывание сирен, схожее с воплями мартовских котиков; величественные башни городского центра, блестящие, сверкающие в уходящих лучах солнца; мое яркое, почти болезненное восприятие всего вокруг, поток неосмысливаемой информации, идущий в мой мозг; и все это неотделимо, навсегда, от возлюбленной и вечной *ее*. Ее сверкающие, ласкаемые солнцем плечи. Тонкий женский аромат ее дыхания в закрытом пространстве такси. Ее бледное выразительное лицо, тронутое печатью смертности, ее близорукий взгляд, всегда вглядывающийся во все глубже, чем все остальные. Совершенство ее руки в моей, когда мы вместе шли по темным улицам, одни среди миллионов людей. Говорят, что в древности был лишь один пол; в этом благословенном состоянии и существовало человечество, пока боги в наказание не разделили каждого из нас на две половинки, жестокое деление клетки, из-за которого каждый из нас вечно скитается по миру в поисках другой половинки, чтобы снова стать целым.

Именно это я чувствовал, Алиша, держа ее за руку, будто я был единственным мужчиной во всем мире, нашедшим свою половину.

Поцеловала она меня той ночью, когда я спал, или мне это приснилось? А какая разница? Таков мой Нью-Йорк, каким он был когда-то для многих, – поцелуй, о котором мечтаешь.

Все потеряно, все ушло – так же как в городе твоей любви, Алиша, городе твоей Роуз. Позвоните Фэннингу, написал мой друг Лучесси. Позвоните Фэннингу и скажите, что такова любовь, что любовь есть боль, что любовь уничтожает. Сколько часов он там провисел? Сколько дней и ночей протянула моя мать, утопая в море боли? И где же я был? Какие мы глупцы. Какие мы глупцы, смертные.

Итак, приближается час расплаты. К Богу вознесу я праведный упрек мой, ибо он жестоко манит всех нас любовью, будто яркой игрушкой над колыбелью младенца. Из ничего сотворил он этот мир скорби, и в ничто этот мир вернется.

Я знаю, что она здесь, сказала ты. По твоему голосу слышу.

А я – по твоему, моя Алиша. Я – по твоему.

62

В конце дорожки стояли двое солдат с висящими на плечах винтовками. Питер подошел, и они четко отдали честь и замерли.

– Здесь все спокойно? – спросил Питер.

– Доктор Уилсон вошла не так давно.

– Кто-нибудь еще?

Интересно, не приходил ли Гуннар. Или, быть может, Грир.

– С того момента, как мы заступили – нет.

Он поднимался на крыльцо, когда открылась дверь и вышла Сара с небольшой кожаной сумкой с инструментами. Они посмотрели друг другу в глаза, и Питер все понял. Он обнял ее, а потом сделал шаг назад.

– Даже не знаю, что сказать, – начал Питер.

Волосы Сары были мокрыми от пота и прилипли ко лбу. Глаза опухли и покраснели.

– Мы все ее любили.

– Спасибо тебе, Питер, – ответила Сара, ровно, безо всяких эмоций. – Это правда, насчет Алиши?

Он кивнул.

– Что ты собираешься с ней делать?

– Пока что не знаю. Она в тюрьме.

Сара ничего не сказала. И незачем было. Все было написано на ее лице. Мы ей верили, а теперь, гляди.

– Как Эми? – спросил Питер.

Сара тяжело вздохнула.

– Можешь сам посмотреть. Здесь я несколько за пределами своих знаний, но, насколько я могу сказать, она в порядке. В порядке с *человеческой* точки зрения. Небольшое истощение, она очень слаба, но лихорадка прошла. Если бы ты привел ее сюда и не сказал мне, кто она такая, я бы сказала, что это идеально здоровая женщина двадцати с чем-то лет, только что сильно переболевшая гриппом. И пусть мне кто-нибудь объяснит, как такое возможно.

Питер максимально сжато пересказал то, что произошло. «Бергенсфьорд», видение Грира, трансформация Эми.

– Что собираешься делать? – спросила Сара.

– Пока работаю над этим.

У Сары было ошеломленное лицо; смысл услышанного начал доходить до нее.

– Наверное, мне стоит извиниться перед Майклом. Смешно думать о таком сейчас.

– В семь тридцать у меня в кабинете собрание. Ты мне там понадобишься.

– Я-то зачем?

Этому было множество причин, и он начал с самой простой.

– Потому что ты участвовала в этом с самого начала.

– А теперь участвую в конце, – мрачно сказала Сара.

– Будем надеяться, что нет.

Она немного помолчала.

– Вчера в больницу женщина пришла рожать. Все только начиналось, мы могли ее домой отправить, но она и ее муж были у нас, когда сирена зазвучала. И где-то к трем часам ночи она надумала родить ребенка. Ребенка, посреди всего этого.

Сара пристально поглядела на Питера.

– Знаешь, что я хотела ей сказать?

Он покачал головой.

– Не стоит.

* * *

Дверь спальни была распахнута настежь, и Питер остановился на пороге. Занавески задернуты, пропуская в комнату лишь слабый желтоватый свет. Эми лежала на боку, закрыв глаза, расслабившись и подсунув руку под подушку. Он уже хотел уйти, когда ее глаза открылись.

– Привет, – очень тихо сказала она.

– Ничего, спи дальше. Просто хотел тебя провести.

– Нет, останься.

Она обвела комнату сонным взглядом.

– Который час?

– Не знаю. Рано еще.

– Сара приходила.

– Знаю, встретил ее на пороге. Как себя чувствуешь?

Эми меланхолично нахмурилась.

– Я... не знаю.

Ее глаза вдруг расширились, будто ее мысль удивила ее саму.

– Голодна?

Какое простое желание. Питер кивнул.

– Посмотрю что-нибудь.

Он пошел на кухню и зажег керогаз, которым уже не один месяц не пользовался. Вышел наружу и сказал солдатам, что ему нужно. Умылся, пока ждал их. Когда они пришли с небольшой корзиной, керогаз уже прогрелся. Кефир, яйца, картошка, буханка плотного темного хлеба, джем из разных ягод в банке, запечатанной воском. Питер принялся за дело, радуясь, что эти мелкие заботы отвлекают его от остального. Обжарил картошку на чугунной сковороде, потом разбил в нее яйца, нарезал хлеб толстыми ломтями, намазал джемом. Когда он последний раз что-то готовил для другого? Наверное, для Калеба, когда тот еще мальчишкой был. Много лет назад.

Он поставил завтрак для Эми на поднос, налил в стакан кефира и отнес в спальню. Интересно, не уснула ли она снова, пока его не было; но она уже проснулась окончательно и сидела на кровати. Раздвинула занавески; похоже, свет ее уже так не раздражал. Увидев его, стоящего в дверях с подносом, будто официант, расплылась в улыбке.

– Вау.

Питер поставил поднос ей на колени.

– Повар из меня так себе.

Эми смотрела на еду, как заключенный, освобожденный из тюрьмы после долгих лет, проведенных там.

– Даже не знаю, с чего начать. С картошки? Или хлеба?

Она решительно улыбнулась.

– Нет, с кефира.

Выпила весь стакан и принялась за остальное, тыкая еду вилкой, будто вернувшийся с поля труженик.

Питер пододвинул к кровати стул.

– Может, стоит помедленнее.

Она подняла взгляд.

– А ты есть не собираешься? – спросила она с набитым яичницей ртом.

Он тоже проголодался, но сейчас просто с удовольствием смотрел на нее.

– Поем попозже.

Пошел на кухню, чтобы снова налить кефира ей в стакан, а когда вернулся, ее тарелка уже была пуста. Отдал Эми стакан, и она его выпила едва не залпом. На ее щеках начал появляться здоровый румянец.

– Сядь рядом, – сказала она.

Питер убрал поднос и примостился на краешке кровати. Эми вложила ладонь в его ладонь.

– Я скучала по тебе, – сказала она.

Настолько нереально сидеть здесь, разговаривать с ней.

– Прости, что состарился.

– О, думаю, меня тебе не переплюнуть.

Он едва не рассмеялся. Ему так много хотелось сказать и рассказать ей. Она точно такая, какая была в его снах, – отличие только в коротких волосах. Ее глаза, ее теплая улыбка, звук ее голоса – все то же.

– Каково там было, на корабле?

Она уронила голову и мягко провела большим пальцем по его запястью.

– Одиноко. Странно. Но Луций обо мне позаботился.

Она снова поглядела на него.

– Прости, Питер. Тебе не надо было знать этого.

– Почему?

– Потому, что я хотела, чтобы ты жил своей жизнью. Чтобы был... счастлив. Слышала, Кaleb тебя теперь папой называет. Рада за вас обоих.

– Знаешь, он женился. Его жена Пим.

– Пим, – повторила Эми и улыбнулась.

– У них сын родился. Назвали его Тео.

Она слегка сжала его руку.

– Вот она, жизнь. Что еще тебе нужно для счастья? Скажи.

Ты, подумал он. Ты здесь, и я счастлив. Я каждую ночь был с тобой, с тех пор, как ты исчезла. Я целую жизнь с тобой прожил, Эми. Но он никак не мог облечь все это в слова.

– Та ночь, в Айове, – начал он. – Это на самом деле было, так?

– Я теперь уже ни в чем не уверена, что реально, что нет.

– Я о том, что это произошло. Что это не было сном.

Эми кивнула.

– Да.

– Почему ты пришла ко мне?

Эми быстро отвела взгляд, будто ей было больно вспоминать это.

– Я не уверена, что сама понимаю. Я была в смятении, превращение произошло так быстро. Возможно, мне не следовало этого делать. Тогда я так стыдилась того, чем стала.

– Почему ты так думала?

– Я была чудовищем, Питер.

– Не для меня.

Их взгляды встретились. Ее ладонь стала горячей, но не от лихорадки; это было тепло жизни. Тысячу раз он держал ее так, и каждый раз, как первый.

– Алиша в порядке? – спросила Эми.

– Да, она крепкая. Как ты хочешь, чтобы я поступил с ней?

– Я не думаю, что мне это решать.

– Нет. Но мне все равно нужно знать, что ты думаешь.

– Для нее все это очень непросто. Она долгое время была с ним. Думаю, она очень многое нам не говорит.

– Например?

Эми на мгновение задумалась, а потом мотнула головой.

– Сложно сказать. Она очень опечалена. Но внутри ее будто закрытый сейф. Я не могу проникнуть внутрь.

Их взгляды снова встретились.

– Ей нужно, чтобы ты верил ей, Питер. Я – одна ее сторона, Фэннинг – другая. А между нами – ты. На самом деле она пришла сюда именно к тебе. Ей нужно понять, кто она. Не только кто она, но и *что* она.

– Так что она?

– То же самое, что и всегда. Часть всего этого, часть *нас*. Ее семья – ты, Питер. Ты был рядом с ней с самого начала. И ей нужно знать, что ты все так же рядом с ней.

Питер ощутил, что это чистая правда. Но знать – не то же самое, что поверить. В этом-то и беда, подумал он.

– Ты не пойдешь с ней, я не могу этого допустить, – сказал он.

– Возможно, у тебя нет выбора. Алиша права. Город не сможет обороняться бесконечно. Рано или поздно мне придется с ним встретиться.

– Мне все равно. Я уже однажды потерял тебя. Я не собираюсь сделать это еще раз.

Шаги в коридоре. На пороге появился Калеб, следом – Пим. Мгновение у сына Питера было ошеломленное лицо. Но потом его глаза просияли.

– Это и правда ты, – сказал он.

Эми улыбнулась.

– Калеб, как мне хочется обнять тебя.

Питер встал. Эми приподнялась на локтях, а Калевб наклонился к кровати. Они обнялись. Долго, а когда разомкнули объятия, то держали друг друга за локти, сияя от радости. Питер хорошо понимал, что он видит. Эмоциональная связь между Эми и его сыном, зародившаяся еще до событий в Айове, когда Эми присматривала за ним в приюте.

– Ты так выросла, – со смехом сказал Калевб.

– И ты тоже, – ответила Эми и тоже рассмеялась.

Калевб обернулся к жене, говоря одновременно голосом и на языке жестов:

– Эми, это Пим, моя жена. Пим, это Эми.

Как дела, Пим? – спросила Эми на языке жестов.

Очень хорошо, спасибо, ответила Пим.

Руки Эми двигались с потрясающей быстротой.

Прекрасное имя. Я тебя себе именно такой представляла.

Ты тоже.

Калевб уставился на женщин; и лишь тогда Питер осознал, что эта беседа технически была невозможна.

– Эми, как ты *смогла* это сделать? – спросил Калевб.

Эми нахмурилась, глядя на свои переплетенные пальцы.

– Сама не знаю, если честно. Наверное, Сестры меня научили.

– Ни одна из них этот язык не знает.

Эми уронила руки на колени и подняла взгляд.

– Ну, кто-нибудь должен знать. Иначе откуда бы я узнала?

Снова шаги. В спальне появился Апгар, принес с собой атмосферу официальности.

– Мистер президент, прошу прощения, что прервал, но я решил, что смогу вас найти именно здесь.

Он повернулся к кровати и дернул подбородком.

– Прошу прощения, мэм. Как себя чувствуете?

Эми уже села, сложив руки на коленях.

– Намного лучше, благодарю, генерал.

Апгар посмотрел на Калеба, прищурившись.

– Лейтенант, разве вам сейчас не полагается в койке лежать?

– Я не устал, сэр.

– Об этом я не спрашивал. И не смотрите на вашего отца, он тут ни при чем.

Калевб снова взял Эми за руку и сжал в последний раз.

– Поправляйся, хорошо?

– Быстрее, мистер Джексон.

Калевб очень быстро обменялся жестами с Пим, так, что никто ничего не понял, и вышел.

– Если вы здесь закончили, – сказал Апгар, – то уже пора. Люди ждать будут.

Питер повернулся к Эми.

– Мне надо идти.

Казалось, Эми его не услышала. Ее глаза были прикованы к Пим. Тянулись секунды, две женщины глядели друг на друга, будто беззвучно разговаривая.

– Эми?

Эми дернулась, прерывая ток. Казалось, мгновение она не понимала, где находится.

– Конечно, – очень холодно сказала она.

– У тебя здесь все нормально? – спросил Питер.

Снова улыбка, но на этот раз скорее вежливая, чем искренняя. Какая-то пустая, даже немного вымученная.

– Идеально.

– Зеркала, – повторил Чейз.

За столом для переговоров по часовой стрелке от Питера сидели главные действующие лица, его военное правительство: Апгар, Хеннеман, Сара, Майкл, Грир.

– Не обязательно зеркало в прямом смысле слова. Подойдет любая отражающая поверхность, так, чтобы они видели свое отражение.

Чейз протяжно вздохнул и положил руки на стол.

– Это самое безумное, что я в своей жизни слышал.

– Вовсе не безумное. Тридцать лет назад я и Лиш убегали от троих Зараженных, и они загнали нас в угол, на кухне. Патроны у нас кончились, мы были совершенно беззащитны. С потолка свисали на крючках куча кастрюль и сковородок. Я схватил одну из них, чтобы использовать как дубинку, но случайно развернул ее плоскостью к первому Зараженному. Тварь встала как вкопанная, будто под гипнозом. А это был всего лишь медный горшок. Майкл, подтверди.

– Он прав, я тоже это видел.

– Так что с ними происходит? – спросил Апгар Майкла. – Почему это замедляет их?

– Сложно сказать. Я бы предположил, что это некая остаточная память.

– В смысле?

– В смысле, что им не нравится то, что они видят, поскольку это не сочетается с каким-то другим аспектом их восприятия себя.

Майкл повернулся к Питеру.

– Помнишь Зараженную, с которой ты сражался в клетке у Тифти?

Питер кивнул.

– После того, как ты ее убил, то кое-что сказал Тифти. «Ее звали Эмили. Последнее, что она помнит, – как с парнем целовалась». Откуда ты это узнал?

– Это было очень давно, Майкл, и я вряд ли смогу объяснить это. Она просто смотрела на меня, и это произошло.

– Не просто смотрела. Она *установилась*. Вы оба установились. Люди не смотрят в глаза Зараженным, когда те собираются их пополам разорвать. Естественное желание – отвернуться. Ты этого не сделал. И это, как и зеркало, остановило ее.

Майкл помолчал.

– Чем больше я об этом думаю, тем больший смысл в этом вижу, – продолжил он. – Это объясняет очень многое. Когда человека забирают, его первое желание после превращения – идти домой. Точно так же ведут себя умирающие. Сара, я прав?

Сара кивнула.

– Это так. Иногда даже последние слова умирающего бывают – «хочу домой». Даже сказать не могу, сколько раз я такое слышала.

– Итак, Зараженный является человеком, пораженным сверхагрессивным мощным вирусом. Однако в глубине души они помнят, кем они были. Скажем так, в процессе трансформации эта память уходит очень глубоко, но не исчезает окончательно. Это будто ядро, которое в них остается. Глаза являются отражающей поверхностью, как и зеркала. Когда они видят свое отражение, память всплывает и сбивает их с толку. И это останавливает их, подобно своего рода ностальгии. Боль, оттого что они вспоминают свою человеческую жизнь и видят, чем стали.

– Ну и... теория, – сказал Хеннеман.

Майкл пожал плечами.

– Возможно. Возможно, я просто в лужу пернул, это со мной не впервые. Но позвольте кое-что спросить, полковник. Сколько вам лет?

– Простите?

– Шестьдесят? Шестьдесят три?

Хеннеман слегка скривился.

– Спасибо, пятьдесят восемь.

– Ошибся, извините. В зеркало смотрелись?

– Стараюсь этого не делать.

– Вот и я о том. В вашем сознании вы такой же, как всегда были. Черт, у себя в мозгах я все еще семнадцатилетний пацан. Но реальность отличается от этого, и видеть ее неприятно. Я здесь ни одного двадцатилетнего не вижу, так что вряд ли я здесь один такой.

Питер повернулся к главе администрации.

– Форд, что у нас такого отражающего есть? Нам надо закрыть ворота, целиком, а еще хорошо бы по сотне ярдов в каждую сторону от них. Чем больше, тем лучше.

Чейз задумался.

– Могло бы подойти анодированное кровельное железо.

– Сколько у нас есть?

– Очень много в поселения перевезли, но и остаться должно было достаточно. Если будет не хватать, можем с домов снять.

– Начинай это проектировать. Еще нам надо укрепить ворота. Если потребуется, пусть их заварят к чертям. И пешеходный вход тоже.

Чейз нахмурился.

– И как тогда люди выходить будут?

– Пока что вопрос о «выходить» перед нами не стоит. Некоторое время нам не придется это делать.

– Позвольте, мистер президент, – заговорил Хеннеман. – Предположим, все это работает – *если* работает, позволю себе заметить, – но у нас все равно останется две сотни тысяч Зараженных снаружи. Мы не можем вечно оставаться за стенами.

– Сожалею, что приходится вам возражать, полковник, но именно это мы делали в Калифорнии. Первая Колония продержалась почти столетие, имея очень скудные ресурсы. У нас осталось несколько тысяч человек, и мы сможем обеспечить их жизнь, если все сделаем правильно. Внутри стен у нас достаточно земли, которую можно орошать, выращивать растения и пасти скот. Река дает нам постоянный источник питьевой воды и воды для орошения. Приспособившись к ситуации, мы сможем снова доставлять топливо из Фрипорта, небольшими партиями, а нефтеперегонный завод тоже вполне можно оборонять. При грамотном распределении, используя бензин только для питания прожекторов, мы сможем продержаться весьма долгое время.

– А оружие?

– Бункер Тифти обеспечит нам запас боеприпасов на некоторое время. Возможно, нам удастся и самим их производить, на несколько лет хватит. Потом мы станем использовать арбалеты, луки и метательные снаряды. В Первой Колонии у нас это получалось, получится и здесь.

Повисла тишина. Все думали об одном и том же. Питер понял. Вот и до этого дошло.

– При всем уважении, это чушь, и ты это знаешь, – сказал Майкл.

Питер повернулся к нему.

– Быть может, зеркала их замедлят. Но Фэннинг никуда не денется. Если то, что сказала Алиша, правда, то те Зараженные, которых мы видели этой ночью, – лишь начало. У него целая армия в резерве.

– Давай я об этом сам подумаю.

– Не надо только этого высокомерия. Я об этом двадцать лет думал.

Апгар сделал недовольное лицо.

– Мистер Фишер, я бы предложил вам помолчать.

– Зачем? Чтобы он нас всех погубил?

– Слушай меня очень внимательно, Майкл, – начал Питер. Он не был зол, он вполне ожидал подобные возражения. Сейчас важно, чтобы все они были заодно. – Я понимаю твои чувства. Ты выразился очень ясно. Но ситуация изменилась.

– Время потеряли, вот и все. Мы теряем шанс, если будем и дальше здесь сидеть. Нам следовало бы уже сейчас людей по автобусам сажать.

– Возможно, раньше это и сработало бы. Но если мы сейчас начнем вывозить людей, то получим бунт. Все развалится. Не говоря уже о том, чтобы доставить до перешейка семьсот человек в течение дня. Автобусы окажутся под ударом, на открытом месте, и у людей не будет ни единого шанса.

– У нас и так ни единого шанса. «Бергенсфьорд» – все, что у нас есть. Луций, не молчи уже.

Лицо Грира было спокойно.

– Не нам это решать. Питер главный.

– Поверить не могу, что такое слышу.

Майкл оглядел сидящих и снова посмотрел на Питера.

– Ты просто слишком упертый, чтобы признать, что ты проиграл.

– Фишер, прекратите, – сказал Апгар.

Майкл повернулся к сестре.

– Сара, ты-то на это не купишься. Подумай о девочках.

– Я о них думаю. Я обо всех думаю. Я поддерживаю Питера. Он никогда нас не подводил.

– Майкл, я должен быть уверен, что ты с нами заодно, – сказал Питер. – Очень просто.

Да или нет.

– О'кей, нет.

– Тогда свободен. Дверь вон там.

Питер не знал, что произойдет дальше. Майкл несколько секунд смотрел ему в глаза, а затем зло выдохнул и встал.

– Чудесно. Если ночь продержитесь, дайте знать. Луций, ты идешь?

Грир глянул на Питера, приподняв брови.

– Все нормально, надо же кому-то за ним присматривать, – сказал Питер.

Они вышли. Питер прокашлялся.

– Самое важное – продержаться эту ночь, – продолжил он. – Все, способные держать оружие, должны быть на стене, остальным потребуются убежища. Форд?

Чейз встал, подошел к столу Питера и взял скрученную в рулон бумагу. Развернул на большом столе и придавил по углам.

– Это одна из схем, изначально составленных строителями. Убежища соорудили здесь, здесь и здесь.

Он показал пальцем.

– Все три построены в самом начале истории этого города, их уже не одно десятилетие не использовали, со времен Пасхального Вторжения. Не думаю, что они в хорошем состоянии, но если их немного укрепить, мы сможем их использовать при необходимости.

– Сколько людей мы там можем разместить? – спросил Питер.

– Немного, пару сотен, не больше. Вот здесь, – он показал в другое место, – в больнице, можно еще сотню разместить. Еще одно убежище, поменьше, прямо под этим зданием, это бывшее банковское хранилище. С кучей бумаг и прочего хлама, но, в целом, в хорошем состоянии.

– А что насчет подвалов?

– Их не так уж много. Несколько под коммерческими зданиями, некоторые – под старыми многоквартирными домами, можно предположить, что еще несколько в частных домах. Однако

в целом город строился так, что все дома стоят на плитах или сваях. Почва у реки глинистая, по большей части, так что там вообще подвалов нет. От Эйчтауна и до самой южной стены.

Плохо, подумал Питер. Пока что они нашли место менее чем на тысячу человек.

– А теперь о хорошем.

Чейз показал на приют, обозначенный на схеме «НВ1».

– Когда перебазировали правительство из Остина, это было одной из причин, по которым выбрали Кервилл. Пока строили стены, было необходимо убежище для строителей и членов правительства на ночь. В этой части город стоит на широком известковом выходе, в котором множество полостей. Самая большая из них – под приютом, на большой глубине, метров десять, не меньше. Согласно старым записям первоначально Сестры использовали ее заодно с Подземной Железной Дорогой, местом, где прятались беглые рабы, еще до Гражданской Войны.

– И как нам туда попасть? – спросил Апгар.

– Сегодня утром сходил и проверил. Люк находится под досками пола в столовой. Деревянная лестница, шаткая, но еще вполне пригодная, прямо в пещеру. Сыро, как в гробнице, но места много. Если разместить народ поплотнее, поместится сотен пять, не меньше.

Чейз поднял взгляд.

– А теперь, предваряя вопросы, я скажу данные переписи, сделанной этой ночью. Пока оценочные, но расклад ясен. У нас порядка тысячи ста детей в возрасте до тринадцати лет. Если не считать военных, примерно поровну мужчин и женщин, но много пожилых, старше шестидесяти. Некоторые из них рвутся в бой, однако, если честно, я не знаю, много ли с них толку будет.

– А что насчет остальных? – спросил Питер.

– Остальных у нас порядка тысячи трехсот мужчин, пригодных к службе по возрасту. Примерно столько же женщин, может, немного меньше. Вполне можно предположить, что некоторые из женщин тоже решат защищать город, и нет причин им в этом препятствовать. Проблема в вооружении. У нас в наличии оружие лишь на полтысячи гражданских. Вполне возможно, что достаточное количество оружия имеется и в личной собственности, но это уже посчитать нельзя. Остается лишь ждать, что случится, когда время придет.

Питер поглядел на Апгара.

– Что с боеприпасами?

Генерал нахмурился.

– Не слишком хорошо. Эта ночь нам дорого обошлась. У нас порядка двадцати тысяч патронов разных калибров, в основном 9 мм, 5.56 мм и .45. Достаточно патронов для ружей, но это только для ближнего боя. Что касается более мощного оружия, то у нас всего порядка десяти тысяч патронов калибра .50, для пулеметов. Если драки ринутся на штурм ворот, все это достаточно быстро закончится.

Все складывалось плохо. Тысяча защитников на стене, боеприпасов на несколько минут, убежищ на тысячу человек и две тысячи гражданских, которых негде укрыть.

– Должны быть еще места, куда мы можем убрать людей, – сказал Питер. – Слушаю ваши предложения.

– На самом деле у меня есть мысль, – сказал Чейз. Развернул другую карту, схему плотины. – Мы можем использовать сливные каналы. Их шесть, каждый тридцать метров в длину, значит, человек на сто пятьдесят. Сливные отверстия закрыты решетками, и до сих пор Зараженным не удавалось там пробираться. Вход в каналы сверху – через служебные шахты, там по три стальных двери, массивные. Плюс в том, что даже если драки прорвутся за стену, им в голову не придет там искать. Люди будут надежно спрятаны.

Это выглядело логично.

– Форд, я думаю, что ты только что заработал свой месячный оклад. Гуннар?

Апгар кивнул, сжав губы.

– Чертовски хорошая мысль, на самом деле.

– Кто-то еще хочет высказаться?

Остальные лишь выразили согласие.

– Хорошо, решено. Чейз, ты занимаешься гражданскими. Нам нужно начать размещать людей в убежищах, чем быстрее, тем лучше, не откладывая. Детей до тринадцати лет в приют, начиная с самых маленьких. Сара, сколько у тебя пациентов в больнице?

– Немного. Порядка двадцати.

– Можем использовать убежище в подвале, по максимуму, и убежища в западной части города. Гуннар, понадобятся охранные отряды для каждого из них. Дети и матери с маленькими детьми. Но не мужчины. Каждый, кто может ходить, может и сражаться.

– А если не захочет?

– Закон военного времени. Если тебе не подчинятся, я на твоей стороне, но не стоит провоцировать беспорядки.

Апгар коротко кивнул.

– Тех, кто не захочет сражаться, – в каналы. К восемнадцати ноль-ноль все гражданские должны быть в укрытиях, но надо соблюдать порядок, чтобы избежать паники. Полковник, вы займетесь ополчением. Пошлете пару отрядов, пусть обходят дома и выясняют насчет личного оружия. Каждому из гражданских будет позволено оставить при себе одно ружье или пистолет, но все остальное отправится в арсенал и будет распределено. На данный момент любое исправное оружие поступает в распоряжение армии Техаса.

– Обеспечу это, – сказал Хеннеман.

Питер обратился ко всем:

– Господа, я не знаю, сколько времени нам придется их сдерживать. Может, минуты, может, часы, может, всю ночь. Они могут вообще не атаковать нас, просто ждать. Но если драки прорвутся, последний рубеж обороны – приют. Мы будем защищать детей. Это понятно?

Все молча закивали.

– Тогда за дело. Снова собираемся здесь в пятнадцать ноль-ноль. Гуннар, задержись на пару слов.

Они дождались, пока все вышли. Апгар оперся локтями о стол, сплел пальцы рук и поглядел на Питера.

– Итак?

Питер встал и подошел к окну. На площади было тихо, почти никого, все замерло под жаром летнего солнца. Где все? Наверное, по домам прячутся, выйти боятся, подумал Питер.

– С Фэннингом необходимо разобраться, – сказал он. – Иначе это никогда не кончится.

– Разговор идет к тому, что ты мне скажешь, что отправляешься в Нью-Йорк.

Питер развернулся.

– Мне нужен небольшой отряд, скажем, пара дюжин человек. По пути на север мы сможем использовать бронированные машины, где-то до Тексарканы, может, чуть дальше, потом топливо закончится. Дальше пешком. До Нью-Йорка к зиме доберемся.

– Это самоубийство.

– Я такое уже делал.

Апгар пристально посмотрел на него.

– И тебе охрнительно повезло, позволь сказать. Не говоря уже о том, что до Нью-Йорка две тысячи миль, а ты на тридцать лет старше. И там полно драков, если верить Донадио.

– Я возьму Алишу с собой. Она знает территорию, и Зараженные на нее не нападут.

– После вчерашнего представления? Будь серьезнее.

– Городу не выстоять, если мы его не убьем. Рано или поздно ворота падут.

– Не стану спорить. Однако план убить Фэннинга, имея с собой пару дюжин солдат, не кажется мне надежным.

– А что ты предлагаешь? Отдать Эми?

– Ты меня слишком хорошо знаешь, чтобы предполагать такое. Прежде всего, как только мы отдадим ее Донадио, мы останемся ни с чем. Без козырей.

– Так что же тогда?

– Ну, не следует ли тебе еще раз подумать насчет этой лодки у Фишера.

Питер онемел.

– Не пойми меня неправильно, – продолжил Аппар. – Я ему ни на грош не верю, и я рад, что ты его отсюда выгнал. Я терпеть не могу споров среди подчиненных, а он слишком много себе позволил. Кроме того, я понятия не имею, поплывет ли вообще эта штука.

– Ушам своим поверить не могу.

Аппар пропустил мимо ушей его сарказм.

– Мистер президент. Питер. Я твой военный советник. А еще твой друг. Я знаю ход твоих мыслей. Раньше это срабатывало, но ситуация изменилась. Если бы решать пришлось мне, то я бы сказал, что предпочту умереть в сражении. Пусть это и символический жест, но для таких старых вояк, как мы, символы значат много. Однако это хорошим не кончится, как ни посмотри. Нравится тебе или нет, но ты последний президент Техасской Республики. Что вкладывает тебе в руки судьбу человеческой расы. Возможно, Фишер фигну несет. Ты его лучше знаешь, тебе и решать. Однако семь сотен лучше, чем ничего.

– Здесь все вразнос пойдет. Мы не сможем организовать нормальную оборону.

– Нет, но, возможно, и незачем.

Питер снова повернулся к окну. Действительно, снаружи было ужасающе тихо. У него невольно возникло ощущение, что он смотрит на город из далекого будущего. Пустые дома, листья на улицах, несомые ветром, все постепенно покрывается пылью. Вечная тишина прекратившейся жизни, исчезнувшие голоса.

– Не то чтобы я возражал, но ты наконец привык меня по имени называть?

– Ага, когда это нужно.

На площади появились мальчишки. Самому старшему не больше десяти. Что они тут делают? А потом Питер понял. У одного из мальчишек был мяч. Став посреди площади, он бросил его на землю и ударил по мячу ногой, и остальные стремглав побежали за мячом. На площадь выехали два армейских пятитонника. Из них вылезли солдаты и принялись расставлять в ряды столы. Другие вытаскивали ящики с оружием и боеприпасами, чтобы раздавать их гражданским новобранцам. Мальчишки едва замечали это, поглощенные игрой без каких-либо правил или ограничений – ни границ поля, ни правил счета, ничего. Тот, кто владел мячом, старался как можно дольше не отдавать его другим, пока кому-нибудь все-таки не удавалось сделать это, и все начинали гоняться за ним. Питер погрузился в воспоминания многолетней давности, как Калев и его товарищи точно так же играли часами, наполненные энергией юности. *Ну, папа, ну еще пять минут. Ведь совсем светло еще, прошу тебя, ну еще немного.* Потом вспомнил собственное детство, тот короткий, невинный отрезок времени, когда он пребывал в полном неведении, вне течения человеческой истории, не обремененный жизненным опытом.

Он отвернулся от окна.

– Помнишь тот день, когда Вики вызвала меня в этот кабинет и предложила работу?

– На самом деле, не очень.

– Когда я уходил, она меня окликнула. Спросила насчет Калеба, сколько ему лет. Сказала – думаю, права была, – что мы делаем это ради детей. Нас уже давно не будет, но наши решения определяют, в каком мире им придется жить.

Аппар медленно кивнул.

– Да, теперь вспоминаю. Она старая плутовка была, этого не отнять. Мастерская манипуляция.

– Я бы не смог ей отказать. Это был лишь вопрос времени, когда я сдамся.

– Так что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, Гуннар, что этот клочок земли у нас под ногами принадлежит не только нам. Он принадлежит *и.м.* Первая Колония умирала. Все сдались. Но здесь иначе. Именно поэтому Кервилл так долго продержался. Потому что люди здесь отказались тихо исчезнуть.

– У нас разговор о выживании нашей расы.

– Я знаю. Но мы должны заслужить право на это и бросить три тысячи ради семисот – не то, с чем я могу смириться. Так что, возможно, здесь все и закончится. Возможно, этой ночью. Но этот город наш. Этот *континент* наш. Если мы сбежим, победит Фэннинг, в любом случае. Вики сказала бы то же самое.

Ничья. Они смотрели друг на друга.

– Хорошая речь, – сказал Апгар.

– Ага, но, уверен, ты не знал, что я такой мыслитель.

– Так что же?

– Вот что. Это мое последнее слово. Мы остаемся и принимаем бой.

64

Сара спустилась в подвал по лестнице. Грейс сидела на койке во втором ряду, в конце, у нее на коленях лежал ребенок. Она выглядела уставшей, но спокойной. Когда Сара подошла к ней, она слегка улыбнулась.

– Немного капризничает, – сказала она.

Сара взяла у нее ребенка, переложила на соседнюю койку и развернула пеленки. Крупный здоровый мальчик с вьющимися черными волосами. Сердце бьется сильно и четко.

– Мы назвали его Карлосом, в честь моего отца, – сказала Грейс.

Ночью Грейс рассказала Саре историю их семьи. Пятнадцать лет назад ее родители уехали в поселение и обосновались в Берни. Однако фермерское дело у ее отца не заладилось, и ему пришлось пойти работать на телеграф, по много месяцев не видясь с семьей. А потом он погиб, упав со столба. Грейс и ее мать – ее двое старших братьев уже давно уехали – вернулись в Кервилл и жили с родственниками. Но жизнь у них была тяжелая, и мать тоже умерла. Грейс не стала вдаваться в подробности, как именно. В семнадцать Грейс пошла работать в нелегальный салун. Насчет этой работы она тоже не особо распространялась, а Сара не настаивала. Так она познакомилась с Джоком. Не слишком благоприятное начало, хотя, по словам Грейс, они очень любили друг друга. Когда выяснилось, что она беременна, Джок поступил подобающим образом.

Сара перепеленала ребенка и вернула матери, заверив ее, что все в порядке.

– Он еще некоторое время будет капризничать, пока у тебя молоко не придет. Не беспокойся, это ничего не значит.

– Что с нами будет, доктор Уилсон?

Этот вопрос застал Сару врасплох.

– Ты будешь заботиться о твоём сыне, вот что.

– Я слышала про ту женщину. Говорят, что она вроде Зараженная. Как такое может быть?

Сара не знала, что и ответить. Конечно, люди будут говорить о таком.

– Возможно. Я не знаю.

Она положила руку на плечо Грейс.

– Попытайся отдохнуть. В Армии знают, что делать.

Она нашла Дженни в кладовой. Та проверяла запасы. Бинты, свечи, одеяла, вода. С первого этажа еще ящики принесли, поставили у стены. Ее дочь, Ханна, веснушчатая зеленоглазая девочка тринадцати лет, голенастая, помогала матери.

– Милая, не позволишь мне и твоей маме немного поговорить? Сходи наверх, спроси, не надо ли чего.

Девочка оставила их наедине. Сара быстро поглядела на план убежища.

– Как думаешь, сколько людей сможем сюда втиснуть? – спросила она.

– Сотню точно. Может, и побольше, если битком.

– Давай поставим стол на входе, будем считать. Мужчин не пускать, только женщины и дети.

– А если они попытаются?

– Это не наше дело. Пусть военные разбираются.

Сара осмотрела еще четырех пациентов – мальчика с пневмонией, женщину лет сорока с чем-то, которая жаловалась на затрудненное дыхание, опасаясь, что это проблемы с сердцем, но это была всего лишь паническая атака, двух маленьких девочек, близняшек, которых привели ночью, с сильным поносом и температурой. Затем она вернулась на первый этаж, как раз вовремя. Ко входу с ревом моторов подъехали две пятитонки. Она вышла наружу.

– Сара Уилсон?

– Да, я.

Солдат обернулся в сторону первого грузовика.

– О'кей, начинаем разгружаться.

Солдаты, собравшись по двое, принялись выгружать мешки с песком. Одновременно два «Хамви» с пулеметами калибра.50 на крышах сдали назад и остановились по обе стороны от входа в больницу. Сара смотрела на все это, оцепенев, постепенно осознавая всю странность происходящего.

– Не покажете мне другие входы? – спросил сержант.

Сара повела его вокруг больницы, показала боковой и задний входы. Тут же подошли солдаты с досками в руках и принялись приколачивать их к дверным косякам.

– Драков это не остановит, – сказала Сара. Они стояли у передней двери и смотрели, как заколачивают досками окна.

– А это и не для драков.

Иисусе, подумала Сара.

– Мэм, у вас есть оружие?

– Это больница, сержант. У нас тут оружие не валяется.

Сержант подошел к первому грузовику и вернулся с винтовкой и пистолетом в руках.

– Выбирайте.

Его предложение было ей совсем не по нутру, ведь здесь все-таки больница. Но потом Сара вспомнила Кейт.

– Хорошо, пистолет.

Взяла оружие и заткнула за пояс.

– Приходилось пользоваться? – спросил сержант. – Могу основы показать, если хотите.

– В этом нет необходимости.

Сидя в тюрьме, Алиша начала пробовать на прочность цепи.

Кольцо в стене – мелочи. Один хороший рывок, и готово. А вот с наручниками проблема. Они из какого-то достаточно твердого сплава. Наверное, из бункера Тифти. Тот в свое время занимался там изучением Зараженных. Так что даже если она вырвет кольцо из стены, все равно останется связанной, как свинья на бойне.

Внезапно ей захотелось спать. Не для того, чтобы убить время, а чтобы избавиться от мыслей. Хотя те сны, которые ей снились, одни и те же, не были тем, что ей очень хотелось бы снова пережить. Ярко освещенный город, погружающийся во тьму. Радостные крики внутри, исчезающие неизвестно куда. Дверь, пропадающая.

И еще одна проблема. Алиша не оставалась наедине.

Ощущение было еле заметным, но она знала, что Фэннинг здесь, – будто тихий шум у нее в голове, скорее осязаемый, чем слышимый, будто ветерок, обдувающий ее сознание. От этого она злилась, ей было противно, она ощущала усталость и желание покончить со всем этим разом.

Убирайся из моей головы, будь ты проклят. Разве я не сделала то, о чем ты просил? Оставь меня в покое, черт подери.

Обещанная еда не появилась. Либо Питер забыл, либо он решил, что голодная Алиша безопаснее, чем сытая. Возможно, тактика, чтобы сделать ее более сговорчивой. Еду сейчас принесут. Нет, погоди, еще нет. В любом случае она ощущала некую извращенную радость. И отчасти ненавидела это. В тот момент, когда ее зубы вонзались в плоть, когда горячая кровь омывала ее нёбо, в ее голове вспыхивало отвращение. *Какого черта ты творишь?* Но она всегда утоляла жажду, переполняемая отвращением к себе, пока не откидывалась, позволяя истоме обволакивать ее.

Медленно текли часы. И наконец дверь открылась.

– Сюрприз.

Вошел Майкл, прижимая к груди маленькую металлическую клетку.

– Пять минут, Фишер, – сказал охранник и захлопнул дверь.

Майкл поставил клетку на пол и сел на койку, лицом к Алише. В клетке сидел коричневый кролик.

– Как тебе удалось войти? – спросила Алиша.

– О, они меня тут очень хорошо знают.

– Ты их подкупил.

Майкл довольно поглядел на нее.

– Да, если по правде, некоторое количество денег сменило хозяина. Даже в нынешние беспокойные времена человек вынужден думать о семье. Это, а еще то, что у остальных кишка тонка завтрак тебе принести.

Он кивнул в сторону клетки.

– Очевидно, этот маленький комоч шерсти – чей-то домашний любимец. Его зовут Отис.

Алиша позволила себе долго посмотреть на Майкла, разглядывая его. Уже давно не тот мальчишка, которого она знала, мужчина средних лет, крепкий и жилистый. Лицо, будто вышедшее из-под резца скульптора, ничего лишнего. Вот только глаза те же, искрящиеся, быстрые, пусть за ними и скрывается жизненный опыт, глаза человека, много повидавшего в этой жизни.

– Ты изменился, Майкл.

Он небрежно пожал плечами.

– Уже много раз это слышал.

– Как ты ухитряешься держать себя в форме?

– Сама знаешь, не даю огню погаснуть, – ответил Майкл, криво улыбнувшись.

– А Лора?

– Не могу сказать, что это удалось.

– Жаль, что так.

– Сама знаешь, как бывает. Мне горшки с цветами, ей дом. И к лучшему, на самом деле. Он снова наклонился, глядя на кролика в клетке, который нервно надувал щеки.

– Есть собираешься?

Ей хотелось, очень. Опьяняющий вкус теплого мяса, теплой жизни, пульсация крови, движущейся в жилах животного, будто ракушка, приложенная к уху. Сильнейшее предвкушение.

– Это не слишком приятно выглядит, – сказала она. – Возможно, мне лучше подождать. Они несколько секунд смотрели друг на друга.

– Спасибо, что вчера вечером за меня вступился, – сказала Алиша.

– Не стоит благодарности. Питера сильно занесло.

Она внимательно взгляделась в его лицо.

– Майкл, почему ты не ненавидишь меня?

– А с чего бы?

– Похоже, все остальные ненавидят.

– Наверное, я – не все остальные. Можно сказать, что и меня здесь не очень-то любят.

– Верится с трудом.

– Поверь мне. Еще повезло, что не сижу по соседству.

Она невольно улыбнулась. Хорошо поговорить с другом.

– Интересная мысль.

– Лучше не скажешь.

Он составил пальцы вместе, явно собираясь сказать нечто важное.

– Я всегда знал, Лиш, что ты где-то рядом. Может, другие сдались, но не я.

– Спасибо, Штепсель. Это кое-что значит. Много значит.

Он ухмыльнулся.

– Ладно, от тебя я еще это прозвище стерплю.

– Поговори с ним, Майкл.

– Я уже высказал свое мнение.

– И что он собирается делать?

Майкл пожал плечами.

– Питер, как всегда. Бьется головой о стену, пока не проломит. Люблю я его, но упрямый он, что бык.

– На этот раз не сработает.

– Не сработает.

Он напряженно смотрел на нее, но, в отличие от Питера, в его взгляде не было подозрения. Для него она – напарница, товарищ по заговору, та, кому можно доверять во всем. Его глаза, его интонации, то, как он держит себя. Все это говорило лучше слов.

– Я много о тебе думал, Лиш. Очень долго думал, что влюблен в тебя. Как знать, может, и до сих пор влюблен. Надеюсь, тебе это не неприятно.

Алиша ошеломленно смотрела на него.

– Судя по твоему лицу, ты удивлена. Можешь счесть это за комплимент, намеренный. Я просто хочу сказать, что ты очень много для меня значишь, и всегда значила. Когда ты вчера появилась, я кое-что понял. Хочешь знать, что?

Алиша кивнула, все еще не в состоянии вымолвить ни слова.

– Я понял, что все это время ждал тебя. Не просто ждал. Ожидал, что ты появишься.

Он помолчал.

– Ты помнишь, когда мы в последний раз виделись? В тот день, когда ты меня в больнице навестила.

– Конечно, помню.

– Я очень долго думал. Почему? Почему меня? Почему Алиша выбрала меня, а не кого-то еще, именно тогда? Я бы предположил, что ты выберешь Питера. Но ответ пришел ко мне, когда я задумался над тем, что ты сказала. «Когда-нибудь этот мальчишка всех нас спасет».

– Мы об этом еще детьми разговаривали.

– Точно. Но говорили и о многом другом.

Он наклонился вперед.

– Даже тогда, Лиш, ты знала. Может, не знала, чувствовала, то, как все складывается, как и я. Точно так же, как сейчас, когда я сижу здесь, двадцать лет спустя, разговаривая с тобой в тюремной камере. Другой вопрос – почему. На него у меня ответа нет, и я перестал задавать его. Сейчас все это подходит к развязке, и я знаю не больше твоего. Учитывая общую тенденцию последних двадцати четырех часов, особых оснований для оптимизма нет. Но в любом случае я не смогу сделать это без тебя.

Щелчок замка. В дверях появился охранник.

– Фишер, я же сказал – пять минут. Убирайся к чертям отсюда.

Майкл сунул руку в карман рубашки, помахал у себя над плечом пачкой банкнот, даже не удосужившись посмотреть, как охранник протянул руку и выхватил их, а затем вышел.

– Боже, какие идиоты, – со вздохом сказал он. – Неужели они действительно думают, что завтра в это же время эти деньги будут иметь хоть какое-то значение?

Он снова сунул руку в карман и вытащил сложенный лист бумаги.

– Вот, возьми.

Алиша развернула лист. Спешный набросок карты рукой Майкла.

– Когда придет время, иди по дороге на Розенберг, на юг. Сразу за гарнизоном увидишь старую ферму, слева, там бак для воды. Свернешь на дорогу сразу же за ним и прямо на восток, пятьдесят две мили.

Алиша оторвала взгляд от листа бумаги. В глазах Майкла появилось что-то новое, неистовство, почти безумие. За тщательно контролируемым видом и поведением, ореолом силы скрывался человек, горящий верой.

– Майкл, что в конце дороги?

Снова оставшись в одиночестве, Алиша погрузилась в мысли. Вот, значит, что заменило Майклу женщину, в конце концов. Его корабль, его «Бергенсфьорд».

Мы изгой, сказал он ей на прощание. *Мы те, кто знает правду и всегда знали; это боль, с которой мы живем.* Как же он хорошо понимает ее.

Кролик настороженно смотрел на нее. Его черные немигающие глаза блестели, как две капли чернил. В их выпуклой поверхности Алиша увидела отражение, призрак ее самой. Почувствовала, что у нее мокрые щеки. Почему она не может перестать плакать? Она скользнула к клетке, открыла дверцу и протянула руку внутрь. Ее ладонь заполнила мягкая шерсть. Кролик не пытался сбежать, либо прирученный, чей-то любимец, как сказал Майкл, либо слишком испуган, чтобы что-то делать. Она вытащила зверька из клетки и посадила на колени.

– Все в порядке, Отис, я друг, – сказала она.

И так и сидела, глядя его по мягкой шерстке, очень долго.

65

Шаги, скрип открывающейся двери. Эми открыла глаза.

Привет, Пим.

Та остановилась в дверях. Рослая, с овальным лицом и выразительными глазами, в простом платье из синей хлопчатобумажной ткани. Выпуклый живот под мягкими складками платья, она беременна.

Я рада, что ты вернулась, чтобы меня провести, сказала Эми на языке жестов.

Пим с сильной неуверенностью поглядела на нее и подошла к кровати.

Можно? – спросила Эми.

Пим кивнула. Эми сложила ладонь чашечкой и прижала к платью. Скрытая внутри сила, столь новая, чистейшее ощущение жизни – если сравнить с цветом, то белый цвет летних облаков. Вопросы, множество. Кто я? Что я? Это мир? Я есть все или лишь часть?

Покажи мне остальное.

Пим села на кровать, спиной к ней. Эми расстегнула пуговицы платья и раздвинула ткань. Полосы на спине, ожоги. Они стали менее заметны, но не исчезли. От времени стали немного впалыми, с резкими краями, будто корни, скрытые под землей. Эми провела по ним пальцами. Там, где кожа Пим была нетронута, она была теплой и мягкой, но мышцы под ней были напряжены, будто застыв от боли.

Эми застегнула платье. Пим повернулась лицом к ней.

Ты мне снилась. Мне кажется, я тебя всю жизнь знаю.

И мне.

В глазах Пим появилось странное выражение.

Даже тогда...

Эми взяла ее за руки, успокаивая.

Да. Даже тогда.

Пим достала из кармана платья блокнот. Небольшой, но очень толстый, с жесткими страницами из пергаментной бумаги.

Я принесла тебе это.

Эми взяла блокнот и открыла обложку, обтянутую мягкой кожей. Вот оно, страница за страницей. Рисунки. Слова. Остров, пять звезд.

Кто еще это видел?

Только ты.

Даже Калев не видел?

Пим мотнула головой. Ее глаза подернулись слезами, она выглядела совершенно ошеломленной.

Откуда я все это знаю?

Эми закрыла блокнот.

Не могу сказать.

Что это означает?

Думаю, это означает, что ты будешь жить; твой ребенок будет жить.

Пауза.

Ты мне поможешь?

Она нашла в гостинной бумагу и ручку. Написала записку, сложила втрое и отдала Пим. Та спешно ушла. Снова оказавшись в одиночестве, Эми пошла в ванную по коридору. Над раковиной висело маленькое круглое зеркало. Перемены, произошедшие с ней, скорее ощущались, чем были видны, и ей хотелось увидеть их. Она подошла к зеркалу. Казалось, то лицо, которое она в нем увидела, ей не принадлежало, но в то же время было именно тем, кем она себя ощущала уже долго: женщина, темноволосая, точеное, но не угловатое лицо, бледная гладкая кожа, глубоко посаженные глаза. Волосы короткие, как у мальчишки, жесткие на ощупь, будто щетка, под ними видны изгибы черепа. Ее отражение было тревожно обычным, просто еще одна женщина, в толпе и не заметишь, однако именно за этим лицом, телом, мыслями и ощущениями скрывалась ее личность – то, как она ощущала себя. Очень хотелось протянуть руку и коснуться зеркала, и она позволила себе это сделать. Ее палец коснулся зеркала, и что-то изменилось. *Это ты*, сказал ей ее разум. *Это настоящая Эми.*

Время пришло.

Необходимо успокоить ум и соблюдать полную неподвижность. Эми нравилось использовать для этого образ озера. Не какого-то воображаемого, а того самого озера в Орегоне, где Уолгаст учил ее плавать в те первые дни, которые они провели вместе. Она закрыла глаза и

приказала себе отправиться туда. Постепенно образ появился перед ее мысленным взором. Ночь, первые звезды, загорающиеся на сине-черном небе. Стена тьмы, там, где царственно стоят на скалистом берегу высокие сосны, наполняя воздух своим ароматом. Вода, чистая и холодная, резкая на вкус, пушистый ковер опавшей хвои на дне. В своем сознании Эми была озером и пловцом одновременно; волны расходились по поверхности в такт ее движениям. Сделав глубокий вдох, она нырнула в незримый мир; когда перед ней появилось дно, то она плавно заскользила вдоль него. Где-то наверху расходились концентрические круги по поверхности озера. Когда последние из них коснулись берега, поверхность озера снова пришла в идеальное спокойствие. Необходимое состояние достигнуто.

Волны коснулись берега. Озеро замерло.

Ты меня слышишь?

Молчание.

Да, Эми.

Я думаю, что я готова, Энтони. Думаю, что наконец-то готова.

Майкл прождал у ворот почти час. Какого черта, где Луций? Уже почти 10.30, время уходит. К воротам приваривали массивные кольца, чтобы вставить железные засовы. Снаружи прибавали листы анодированного железа. Если Грир сейчас не появится, то они окажутся заперты внутри, как и все остальные.

Наконец-то появился Грир, быстрым шагом войдя через пешеходный проход. Забрался в машину и кивнул в сторону лобового стекла.

– Поехали.

– Она себе голову морочит.

Не начинай, было написано во взгляде Грира.

Майкл завел мотор и высунул голову в окно.

– Выезжаем! – крикнул он бригадиру рабочих. Когда тот не обернулся, Майкл стал сигналить.

– Эй! Нам надо выехать!

Бригадир наконец-то обратил на него внимание. Быстро подошел к окну машины.

– Какого хрена ты мне библикаешь?

– Скажи ребятам, чтобы с дороги ушли.

Бригадир сплюнул.

– Никому не разрешается выходить наружу. Мы здесь работаем.

– Ага, хорошо, но мы – другое дело. Скажи им, чтобы отошли, или я их сшибу. Тебе понравится?

Бригадир хотел что-то ответить, но передумал. И повернулся к воротам.

– О'кей, дайте этому парню проехать.

– Очень обязан, – сказал Майкл.

– Вперед, похоронам навстречу, придурок.

И тебе туда же, подумал Майкл.

66

16.30. Последние эвакуируемые спустились в тоннели плотины. Убежища забиты до отказа. Гражданские новобранцы ожидают, куда их поставят. Инциденты были, даже аресты и стрельба. Однако в целом все понимали смысл того, о чем их просят. На кону их собственные жизни.

Работа с новобранцами заняла больше времени, чем предполагалось. Длинные очереди, неумение обращаться с оружием, непонимание, кто кому подчиняется, распределение снаря-

жения и обязанностей. Питер и Апгар пытались за полдня армию собрать. Некоторые оружие-то в руках держать не умеют, не говоря уже о том, чтобы заряжать и стрелять. Боеприпасы были на вес золота, но пришлось устроить на площади стрельбище, положив позади мишеней мешки с песком. Срочный курс – три выстрела, плохие, хорошие – и вперед, на стену.

Оружия оставалось мало, только пистолеты, винтовки закончились, совсем немного в резерве оставили. Все были нервными, по несколько часов простояв на жаре. Питер стоял рядом со столом, где записывали новобранцев, с Апгаром, глядя на последних. Холлис записывал имена.

К столу подошел мужчина, лет сорока с чем-то, худощавый, жизнь его не баловала, с высоким лбом и оставшимися от юношеских прыщей впадинами на щеках. У него на плече висело охотничье ружье. Питер сразу узнал его.

– Джок, не так ли?

Мужчина кивнул как-то покорно, на взгляд Питера. Двадцать лет прошло, но, видимо, тот день на крыше навсегда остался в его памяти.

– Даже не помню, поблагодарил ли я вас, мистер президент?

– А что ты сделал? – спросил Апгар, глядя на Питера.

– Жизнь мне спас, вот что, – ответил Джок. Посмотрел на Питера. – Я не забыл. Оба раза за вас голосовал.

– Чем занимался? Уверен, на крыши больше не лазал.

Джок пожал плечами. Его обычная жизнь уходила в прошлое, как и у всех.

– Работал механиком, по большей части. Женился недавно. Жена вчера ночью родила.

Питер вспомнил рассказ Сары. Показал на оружие Джoka, винтовку с рычажным затвором.30–30.

– Давай-ка твое оружие посмотрим.

Джок отдал ему винтовку. Спусковой крючок мягкий, затвор рывками ходит, линза на прицеле потерянная, в оспинах.

– Когда последний раз из нее стрелял?

– Никогда. От отца досталась, много лет назад.

– Сколько у тебя к ней патронов?

Джок выставил руку, в которой лежали четыре патрона, древние, как горы.

– Эта штука бесполезна. Холлис, дай человеку нормальную винтовку.

Достали винтовку, новую блестящую М-16, из запасов Тифти.

– Свадебный подарок, – сказал Питер, отдавая ее Джоку. – Вперед, на стрельбище. Там тебе патроны дадут и научат ею пользоваться.

Джок неверяще смотрел на него, с благодарностью. Еще никто ему ничего подобного не дарил.

– Благодарю вас, сэр.

Резко кивнув, он ушел.

– О'кей, и что это было? – спросил Апгар.

Питер проводил взглядом идущего к стрельбищу Джoka.

– На удачу.

В приюте последние из женщин и детей спускались в убежище. Было решено, что женщинам будет позволено сопровождать лишь детей младше пяти лет; это привело к множеству душераздирающих сцен расставания, ужасных и мучительных. Многие женщины пытались сказать, что их дети младше, чем на самом деле. Если их слова были похожи на правду, Кaleb их пропускал. У него просто духу не хватало отказать.

Он тревожился за Пим. Убежище быстро наполнялось. Она наконец-то пришла, объяснив, что дети провели утро в доме Кейт и Билла. Для Пим это было особенно болезненно, ей

повсюду чудилась Кейт, но девочки отвлеклись. Пара часов в знакомом месте, среди знакомых игрушек. Полчаса на своих кроватях прыгали, сказала Пим.

Но что-то было не так. Калевб ощущал это в невысказанных словах. Они стояли у открытого люка. Одна из Сестер, стоя внизу, протянула руки, чтобы спустить вниз детей. Сначала Тео, потом девочек. Когда пришла очередь Пим, Калевб взял ее за локоть.

Что такое?

Она задумалась. Да, что-то есть.

Пим?

В ее глазах мелькнула неуверенность, но она взяла себя в руки.

Я люблю тебя. Будь осторожен.

Калевб решил не настаивать. Сейчас не время, у открытого люка, все ждут. Сестра Пег смотрела на все со стороны. Калевб уже поднимал вопрос насчет того, пойдет ли Сестра Пег в убежище вместе с детьми.

– Лейтенант, – сказала она, непреклонно глядя на него. – Мне восемьдесят один.

Калевб обнял жену и помог ей спуститься. Взявшись руками за верхнюю ступеньку лестницы, она подняла взгляд, в последний раз смотря на него. У Калеба похолодело внутри. Она – вся его жизнь.

Следи за малышами.

Снова дети, и вдруг оказалось, что убежище заполнено целиком. Плач снаружи, голос из мегафона, приказывающий людям разойтись.

В коридор быстрым шагом вошел полковник Хеннеман.

– Джексон, я назначаю тебя главным здесь.

Это было последнее, чего мог бы желать Калевб.

– Сэр, от меня на стене больше пользы будет.

– Не обсуждается.

Калевб ощутил незримую руку.

– Мой отец имеет к этому отношение?

Хеннеман проигнорировал вопрос.

– Нужны люди на крыше и по периметру и два взвода внутри. Как поняли? Больше никто не входит. Как ты это выполнишь, тебе решать.

Ужасные слова. И неизбежные. Люди сделают все, чтобы выжить.

67

Майкл и Грир выбрали первых выживших к северу от Розенберга, троих солдат. Ошеломленных, оголодавших, с пустыми карабинами и пистолетами. Зараженные напали на казарму две ночи назад, сказали они, пронеслись, как торнадо, разрушая все – машины, снаряжение, генераторы, срывая крыши из кровельного железа с домов, как крышки с консервных банок с ключом.

Были и другие. Женщина, одна из девочек Данка, чьи черные волосы наполовину поседели. Она шла по дороге, босиком, а ее туфли с высоким каблуком болтались у нее в пальцах. Рассказала, как спряталась в насосной. Двое мужчин из телеграфной бригады. Нефтяник по прозвищу Домкрат, Майкл помнил его еще по заводу, сидевший на обочине, скрестив ноги и чертя что-то на земле шестидюймовым лезвием ножа и что-то неразборчиво бормоча. Его лицо было белым от пыли, комбинезон – черным от засохшей крови, но не его собственной. Все молча садились в кузов машины, даже не спрашивая, куда они едут.

– Самые везучие люди на планете, а они даже не понимают этого, – сказал Майкл.

Грир смотрел на проносящиеся мимо них холмы. Сухой кустарник сменился прибрежной растительностью, более густой. Последние двадцать четыре часа было столько дел, что он забыл

о боли, но теперь, в тишине и роящихся в его голове мыслях, она вернулась с новой силой. Постоянная тошнота, несильная, скручивала живот, слюна стала густой и с медным привкусом, мочевого пузыря распирало. Когда они остановились, чтобы подобрать женщину, Грир отошел в сторону в надежде отлить, но смог выдавить из себя лишь жалкую струйку алого цвета.

К югу от Розенберга они свернули на восток, к судоходному каналу. Позади машины взлетали брызги грязной воды, каждый прыжок машины на разбитой дороге отдавался внутри него болью. Гриру очень хотелось пить, чтобы хотя бы избавиться от мерзкого вкуса во рту, но когда Майкл достал из-под сиденья фляжку, сделал хороший глоток и предложил ему, все это время смотревшему в лобовое стекло, Грир отмахнулся. Майкл искоса глянул на него. *Ты уверен?* И, видимо, что-то понял. Или заподозрил. Но Грир ничего не ответил. Майкл пожал плечами, зажал флягу между колен и закрыл крышку одной рукой.

Воздух внутри машины стал другим, а затем изменилось и небо. Они приближались к каналу.

– Какого хрена, я только что отсюда, – сказала женщина.

Еще пять миль, и показался въезд на док. Пластырь и его люди стояли в узком месте. Поперек прохода была натянута режущая проволока. Машина остановилась, и Пластырь подошел к окну Майкла.

– Не ждал тебя так скоро.

– Что Лора говорит?

– Ничего хорошего. По крайней мере, их здесь еще не было.

Он глянул в кузов.

– Друзей привез, как я погляжу.

– Где она?

– На корабле, небось. Рэнд говорит, она там уже всех до белой горячки довела.

Майкл повернулся к пассажирам.

– Вы трое, выходите, – сказал он солдатам.

Они неверяще поглядели на него.

– И что ты от нас хочешь? – спросил старший по званию, капрал, с пустыми, как у коровы, глазами и пухлым лицом пятнадцатилетнего подростка.

– Не знаю, – сухо сказал Майкл. – Служили? Стрелять доводилось?

– Сказал же, патронов нет.

– Пластырь?

Тот кивнул.

– Все улажу.

– Это Пластырь, – сказал Майкл солдатам. – Ваш новый командир.

Солдаты непонимающе переглянулись.

– Вы, ребята, типа, преступники? – спросил один из них.

– Тебе сейчас не наплевать, честно?

– Давайте уже, – сказал Пластырь. – Будьте хорошими парнями и слушайте, что он вам сказал.

Солдаты вопросительно переглянулись и вылезли из кузова. Как только Пластырь и его помощники отодвинули барьер, Майкл дал газу и быстро поехал по дороге. Рэнд встретил их у ангара, голый по пояс и обливающийся потом, с обмотанной грязной тряпкой головой.

– На каком мы этапе? – спросил Майкл, вылезая из машины. – Док затопили?

– Есть проблема. Лора нашла еще один дефектный участок. Ржавчина по всему листу.

– Где?

– На носу по правому борту.

– Блин.

Майкл махнул рукой в сторону оставшихся пассажиров.

– Придумай, что с ними сделать.

– Где ты их взял?

– Подобрал по дороге.

– А это Домкрат? – спросил Рэнд.

Тот сидел, уткнувшись в ворот рубашки и что-то бормоча.

– Что с ним случилось?

– Не знаю, но вряд ли что-то хорошее, – ответил Майкл.

Рэнд помрачнел.

– Это правда насчет поселений? Все захвачены?

Майкл кивнул.

– Да, похоже, что так.

– Майкл, думаю, нам надо побольше людей на въезде, – перебил его Грир. – Через пару часов стемнеет.

– Рэнд, как насчет этого?

– Думаю, несколько человек сможем прислать. Ломбарди и таких, как он.

– Вы двое, – обратился Майкл к телеграфистам. – Пойдете со мной. А ты...

Он посмотрел на женщину.

– Что делать умеешь?

Женщина приподняла брови.

– Помимо этого.

Она на мгновение задумалась.

– Наверное, готовить немного.

– Немного лучше, чем ничего. Ты на работе.

Майкл быстро пошел по трапу на корабль. К носу корабля подвели кран, и у борта в люльках сидели шесть человек. У дальнего конца створки дока рабочие в сварочных масках и толстых перчатках вырезали куски из большого листа, на замену ржавой обшивке. Из-под дисков летели искры.

Лора стояла у рейлинга. Увидев Майкла, спустилась к нему.

– Извини, Майкл, – сказала она, перекивая визг пил. – Я знаю, что время неподходящее.

– Какого черта, Лора?

– Ты хочешь, чтобы он утонул? Утонет обязательно. Я такие вещи не пропускаю. Еще меня поблагодаришь.

Это была не просто задержка, а настоящая катастрофа. Пока корпус не герметичен, они не могут затопить док. Пока они не затопят док, они не смогут запустить двигатели. Только на то, чтобы затопить док, уйдет шесть часов.

– Как думаешь, сколько времени уйдет, чтобы их заменить? – спросил Майкл.

– Вырезать новые, снять старые, поставить на место, заклепать, приварить. Шестнадцать часов, минимум.

Спорить с ней смысла не было, это не тот вопрос, где допустима спешка. Майкл резко развернулся и пошел вдоль дока.

– Куда идешь? – крикнула вслед ему Лора.

– Долбаную сталь резать.

68

Время 17.30, солнце зайдет через три часа. Питер сделал все, что мог, на данный момент. Уже даже спать не хотелось, но надо было собраться с мыслями. Пока шел домой, думал о Джоке. Не то чтобы он чувствовал к нему какую-то привязанность, в свое время это был незре-

лый и противный юнец, из-за которого он сам едва не погиб. Может, от винтовки, что ему дали, толку не будет. Однако тот день на крыше, возможно, стал переломным в его жизни. Никогда не поздно начать с начала.

Охраны у дома не было.

Питер ринулся вверх по лестнице и вбежал в дом.

– Эми! – крикнул он.

Тишина.

– Я здесь.

Она сидела на кровати, аккуратно сложив руки на коленях и глядя на дверь.

– Ты в порядке? – спросил он.

Она посмотрела на него. Ее лицо изменилось. Она лишь меланхолично улыбнулась ему. Комнату наполнила странная тишина – не просто отсутствие звуков, но нечто большее, более пугающее.

– Да, я в порядке.

Она хлопнула по матрасу.

– Посиди со мной.

Питер сел рядом.

– Что такое? Что случилось?

Она взяла его за руку, не глядя ему в глаза. Питер ощутил, что она собирается что-то сказать ему.

– Когда я была в воде, то попала в одно место, – сказала она. – По крайней мере, мое сознание это сделало. Не знаю, смогу ли это правильно объяснить. Я так счастлива там была.

Он понял, что она хочет сказать.

– Ферма.

Ее глаза встретились с ним взглядом.

– Я там тоже бывал.

Как ни странно, он не чувствовал удивления. Эти слова должны были быть сказаны.

– Я играла на пианино.

– Да.

– И мы были вместе.

– Да. Были. Лишь мы одни.

Как хорошо сказать это, как хорошо произнести эти слова. Знать, что он не одинок, в конце концов, с этими его снами, что в них есть что-то реальное, хотя сложно сказать, что такое та реальность, лишь то, что она существует. Он существует. Эми существует. Ферма, то счастье, что они обрели там, существуют.

– Ты спрашивал меня сегодня утром, почему я пришла к тебе в Айове, – сказала Эми. – Я не сказала тебе правды. По крайней мере, всей.

Питер ждал.

– Когда ты изменяешься, тебе надо оставить себе что-то, какую-то память. То, что было тебе дороже всего. Во всей твоей жизни, лишь одно.

Она подняла взгляд.

– Я хотела оставить себе тебя.

Она плакала, крохотные, сверкающие, как алмазы, капли слез повисли на ее ресницах, будто капли росы на листьях.

– Питер, ты сделаешь то, что я попрошу?

Он кивнул.

– Поцелуй меня.

Он сделал это. Не поцеловал ее, а будто провалился в мир, состоящий из нее. Время замедлилось, остановилось, оно неспешно кружилось вокруг них, будто волны, обтекающие

пирс. Он ощутил умиротворение. Его душа воспарила. Его сознание находилось одновременно в двух местах, в этом мире и в другом: в мире фермы, в мире за пределами пространства, за пределами времени, там, где пребывали лишь они двое.

Они разделились. Между их лицами были считанные дюймы. Эми приложила ладонь к его щеке.

– Прости, Питер.

Странные слова. Ее взгляд стал пристальнее.

– Я знаю, что ты собираешься сделать, – сказала она. – Тебе этого не пережить.

Внутри его что-то будто выключилось. Его тело оставили все силы. Он попытался заговорить, но не смог.

– Ты устал, – сказала Эми.

И подхватила его, когда он начал падать.

Эми положила его на кровать. Выйдя в другую комнату, сняла через голову сестринское одеяние и надела то, что подобрал ей Грир. Плотные полотняные штаны с карманами, кожаные ботинки, светло-коричневую рубашку с оторванными рукавами и погонами Экспедиционного Отряда на плечах. От них исходил теплый человеческий запах – запах труда, запах жизни. Тот, кому принадлежала эта одежда, был невысокого роста, и она идеально подошла ей. Солдаты на заднем крыльце спали сном младенцев, подложив руки под головы и забыв обо всех тревогах. Эми аккуратно забрала один из пистолетов и заткнула его себе за пояс сзади.

Улицы окутала полная тишина, все спрятались, готовясь к буре. Эми шла к центру города, и солдаты начали обращать на нее внимание, но никто не попытался заговорить с ней. Их мысли были совсем о другом. Какая разница, что какая-то женщина одна идет? Снаружи тюрьмы охраны не было. Эми решительно подошла к двери и толкнула ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.